

Если кто-нибудь скажет, что этот день был приятным, — ложь. Если кто-нибудь скажет, что я хорошо провёл время, — ложь. Если кто-нибудь скажет, что это ничего не стоило, — ложь. Однако всё это было не важно, и тешиться оставалось чётким пониманием, что способных сказать нечто подобное не существовало в принципе. Приходилось с грустью «обижаться» на самого себя и, закрыв глаза, хоть как-то абстрагироваться от происходящих событий.

Переломы?; кровотечения?; адские спазмы? — они просто не имели значения, пусть и были, мягко говоря, не очень приятными. Насколько «не очень»? — вопрос интересный. Как минимум зубная боль и рядом не стояла с этими по-настоящему «экстремальными» ощущениями. Нет. Даже если бы болел не один, а одновременно все зубы, а малейшее движение челюстью отдавалось пульсирующей болью во всём теле, это бы всё равно и рядом не стояло с тем, до чего вас мог довести Влас Эванс. Да что там! Возводя пример с зубами в абсолют, можно было сказать, что размазывание всей челюсти ударами кувалды по лицу всё равно и рядом не стояло с умениями Власа Эванса и его куд-кудах-чащей помощницы. Помощницы, чью голову, не забываяте, стоит отрубить и скормить голодным собакам, и когда-нибудь именно это с ней и произойдёт, причём произойдёт в лучшем случае, а что произойдёт в худшем, — страшно представить даже мне.

Несмотря на всю «тяжесть» происходящего, кое-как абстрагироваться от собственного тела было вполне возможно, пусть и использованные Власом Эвансом методы были направлены максимально полностью элиминировать такое неблагоприятное (с его точки зрения) развитие событий. Одним словом, к своему делу он подходил очень и очень ответственно:

Сначала он хитрил и лукавил, делая вид, что выложил на полную, что причинить ещё больше боли был не в состоянии. Затем, с видом «как же я мог позабыть?!», он переходил к следующей стадии своего веселья: доставал новые инструменты?!; выскивал ещё не тронутые части тела?!; запускал сколопендру в ухо?! — нет! Ни инструменты, ни порядок своих действий, ни методы — он ничего не менял! Он менял не «причину» — он менял «следствие». А этим следствием, по сути, являлся ты сам: твоя чувствительность, твоё восприятие — твоя система «боли». Влас Эванс использовал то, в чём разбирался лучше всего — человеческое тело. Конечно, он был далеко не единственным, кто имел прекрасные знания в этой области, однако он был одним из немногих, кто так своеобразно использовал их.

Хоть раз ощутив умения Власа Эванса на себе, в голове так и всплывал вопрос: «Кто вообще придумал эту боль?! Кому сдалась такая нервная система?! Зачем вообще эти рецепторы?! Тупо! Как же тупо!» Ответы, хотя скорее понимание, всплывали также произвольно как и появлялись вопросы. Поэтому оставалось просто смириться с тем фактом, что вместо глупой смерти в течение короткого промежутка времени, эволюция предпочла «одарить» тебя долгими страданиями в течение всей жизни. Ходи безрукий — обходи волка стороной; ходи безногий — не лезь в берлогу; ходи разбитый — не верь людям — урок, связанный с болью, — лучший урок! Главное, не умереть раньше времени: так, гляди, и потомство оставишь.

Если же говорить о Власе Эвансе, то для достижения лучшего результата в своём нелёгком деле, насколько я мог судить исходя из своих «великих познаний» в области физиологии, он использовал два незамысловатых механизма, связанных с передачей нервного сигнала. Первое: он увеличивал чувствительность к боли, напрямую воздействуя на рецепторы и нервные волокна, улучшая их проводимость. Второе: он воздействовал на механизмы «защиты», блокируя запредельное торможение, характерное при длительных, сильных и повторяющихся сигналах, поступающих в мозг, а т.к. оно не запускалось — чувство боли просто не могло уняться, просто не могло ослабнуть... Нет! Оно только усиливалось! И если раньше он обходился без магии, просто орудуя своими инструментами, как хороший садист, то на этой стадии без неё уже было не обойтись. Вот и получалось, действия те же, а ощущения — как в первый раз! Это и был «стиль» Власа Эванса: сделать всё, чтобы «его старания» без сучка без задоринки достигли вашего мозга. Достигли — не утратив ни капли тех прекрасных ощущений, той гаммы эмоций, которую они только способны были доставить. Иначе — зачем он вообще распинается?!

Когда дело касалось этой работы, Влас Эванс становился очень педантичным. Будь его работой наполнять колодцы речной водой, он бы не пролил ни капли, пока нёс вёдра. Увы, интереса наполнять колодцы водой у него не было, а вот людей болью — да. Поэтому, если фраза: «Он нашёл своё призвание», — и была придумана, то только для таких людей как Влас Эванс, отдающих всего себя делу и прекрасно осознающих, чем именно они занимаются. Поэтому не было ничего удивительного, что даже я не смог не выдохнуть с облегчением в тот самый момент, когда он закончил свои измывания и покинул камеру, забрав с собой и ободранную курицу (голова которой была явно не на том месте). Что сказать, пережив это — жить было легче.

Правда, полностью расслабляться было рано: кто знал, когда им ударит моча в голову, и они вернуться завершить начатое? Смотреть, как меня убивают, я не особо-то и собирался, а некоторые и очередные пытки терпеть не станут, так что, пока «овчинка всё ещё стоила выделки» нужно было по максимуму форсировать события, не сведя при этом на нет все затраченные усилия.

Итак, практически всем из вышеупомянутого и ознаменовалась большая часть этого не самого приятного дня, правда, он был далёк до завершения, а наступление ночи — могло «пугать» даже сильнее: кто их знает? Однако до неё ещё очень рано: не прошло и двух часов как ко мне пожаловали очередные «незваные гости». Вероятно, не подымись в городе шумиха, у меня не было бы и этих двух часов на «отдых», так что мне ещё очень даже повезло. Главное — во всём видеть плюсы (или стараться их видеть). А так, у меня даже было время на открытие мысленного тотализатора, где я ставил ставки на то, кто будет следующей «лошадкой», прискакавшей ко мне, как гиена на водопой. Правда, когда меня привели в порядок и перевели в более приемлемую для встреч камеру, мне пришлось с разочарованием признать, что я проиграл практически всё своё состояние и стал нищим. (Благо, проиграл самому себе.) А затем, когда конвой усадил меня на стул, а сам удалился, послышался приятный женский голос:

— Смотрю, кое-кто тебя сильно невзлюбил.

Так как после недавнего «веселья» я был не прочь развеяться, то особо не задумываясь ответил:

— В своё время, у каждого в приюте был кто-то, кого они «невзлюбили». Весь мир — это сплошной приют. Я привык.

— Стараешься быть сильным?

— Считайте это «защитной реакцией» — просто взгляните на мой вид: чувствую я себя не очень. Я бы пожаловался вам и попросил помощи против таких бесчеловечных методов и жестокого отношения, но, к несчастью для меня, вы не похожи на сотрудника социальной защиты или члена МОЗГа, так что... Воздержусь от жалоб, даже несмотря на вашу скромную внешность и милое личико.

— Вот как~ Значит, узнал меня?

— Нечего узнавать — женщина из клана Бортэ.

— Госпожа из клана Бортэ.

— Для кого-то, но не для меня. Я сейчас нахожусь в том прекрасном положении, когда могу позволить себе обращаться к вам хоть как «резвая кобыла», хоть как «тупая овца» — вряд ли это кардинально изменит ситуацию.

— Уверен?

— Сегодня у меня был весёлый день в компании Власа Эванса, и он сделал всё, чтобы я надолго запомнил это имя, так что... Да — уверен.

— Его упоминание и твой внешний вид должны были бы меня удовлетворить и успокоить, — нежно улыбнулась Лилит Бортэ, — но судя по твоему поведению, создаётся ощущение, что кто-то теряет хватку. Или уже потерял её?

— Можем проверить и сравнить, — презрительно улыбнулся я. — В любом случае остаться в камере наедете с такой милашкой как вы, куда приятнее, чем со старым гундосом и его ободранной курицей.

— Хорошо, хорошо, — Лилит Бортэ издала смешок, — я думала, с тобой будет труднее.

— Со мной всегда очень легко и непринуждённо, особенно в «интимной» обстановке, а так как мы оба знаем, что ничего нового я вам не расскажу, то очевидным остаётся лишь один вывод: вы здесь просто ради меня. С другой стороны, оно и ясно, учитывая, какой я красавчик.

— Да, должна признать, таким «сильным» ты мне нравишься куда больше, я ожидала, что буду выслушивать твоё нытьё и сопли, как на записи допроса. Кто бы мог подумать, что Влас Эванс

так положительно влияет на людей.

— Аккуратнее-аккуратнее, — запротестовал я. — Иначе отобьёте меня у своей «сестрёнки», и она будет грустить.

— Ей не нужен такой как ты, — не снимая своей нежной улыбки сказала Лилит Бортэ, однако её тон стал холоднее. — И говоря о ней... Не забывай, что тебе ещё платить по счетам~

Я просто проигнорировал вторую часть:

— Не нужен? Такой как я — нужен всем, иначе вас бы здесь не было. Я слышал, директор Йохансон уже и на полицейских стал нападать среди бела дня, боитесь оказаться следующими? — я издал презрительный смешок.

— Знаешь, — медленно заговорила Лилит Бортэ, — у меня есть хобби...

— Изменять «господину клана» с такими красавчиками как я?! Это прекрасное хобби, учитывая — какой он урод.

— ...Нет... — всё также нежно сказала она. — Уничтожать таких ублюдков как ты.

— Тогда... Уничтожь меня полностью~ Я весь твой~

Глава 201. Легко и непринуждённо (часть 2)

Тух...

Тух...

Тух...

Вероятно, любой, вошедший в нашу «интимную» камеру в этот момент, застал бы самую весёлую сцену в своей жизни (или одну из самых весёлых), а именно ту часть, где тонкая рука во всех смыслах изящной девушки била чьей-то головой о стол, покрепче вцепившись в волосы. Ему бы точно стало смешно, что уж говорить, если даже самой жертве (мне) было трудно удержаться от смешка, представляя всё происходящее со стороны. И я не сдерживался, пусть моя голова и проверяла столешницу на прочность.

Тух...

После очередного удара моя голова зависла в воздухе — Лилит Бортэ безмолвно впилась в мои глаза.

Я сказал:

— Хах, вряд ли это поможет утолить твой пыл. Более того, я совершенно не понимаю, ты хочешь сделать мне больно или всё-таки приятно? Пока что твои нежные поглаживания приносят только удовольствие. Может нам всё-таки уединиться в более располагающем месте — без кровати как не то? А учитывая...

Тух...

— ...твои...

Тух...

— ...прекрасные...

Тух...

— ...формы...

Тух...

— ...и гибкость...

Тух...

— ...я думаю...

Тух...

— ...тебе есть...

Тух...

— ...что...

Тух...

— ...показать...

Тух...

— ...и...

Тух...

— ...чем...

Тух...

— ...удивить...

Тух...

— ...меня...

Тух...

Тух...

...

Тух...

— Успокоился? — поинтересовалась она, снова запрокинув мою голову далеко назад и посмотрев в глаза.

— ...

— Я понимаю, что ты не воспринимаешь происходящее всерьёз, однако, даже несмотря на это, предупреждаю — не заставляй мне становиться серьёзной. В противном случае, кто бы то ни был другой, даже сам чёрт, покажется тебе праведным существом. Твоё тело будет не просто изуродовано, оно будет уничтожено, твоя магия будет не просто подавлена, она будет разрушена — не останется ничего, ты лишишься всего, а не прекращаемые страдания станут смыслом всей твоей жизни. Время, проведённой с Власом Эвансом, покажется тебе лучшим временем в жизни, и поверь на слово — мой клан тебе это организует. Твой ублюбочный

директор прикоснулся к тому, чего касаться не стоит, и он за это ответит. Твоя же проблема — не имеет значения: виноват / не виноват, сильно / слабо — ты будешь первым. Первым, на ком отыграются все «задетые». Твоя участь будет ничуть не лучше твоего ублюдочного директора или даже хуже, ведь в отличие от него, ты даже не в состоянии что-либо сделать или хоть как-то ответить — груша для битья. Груша для выпуска пара, чтобы можно было хоть как-то скоротать время и потешить себя перед долгожданной встречей с твоим ублюдочным директором, поджавшим хвост и прячущимся невесть где. Тебе стоит вспомнить — где твоё место! — тух... — И в каком положении ты реально находишься! — тух... — Где он, отвечай?! — тух... — Кто ещё его укрывает?! — тух... — Что узнал Джеймс Харрингтон?! — тух... тух... тух... — Не играй в молчанку. Для себя же — лучше начать говорить! Стать таким же болтливым, как минутами раньше! Или... — она вытянула вперёд руку и выпустила «сияние», выпустила так же банально, как неотразимые авторы любят иллюстрировать это на обложках своих книг, а затем шепнула, вплотную приблизив голову, — ...мне показать, что такое настоящие страдания?

«Настоящие страдания»? Даже я не знаю, что они из себя представляют.

— Раз уж на кону «настоящие страдания», — медленно ответил я, принимая её пронзительный взгляд, — видимо, мне и вправду стоит подчиниться... но что от этого изменится? — я улыбнулся самой презрительной из всех презрительных улыбок. — Как я и сказал раньше: я весь твой. Что дальше? Только аккуратнее: я всё-таки ещё школьник — могут и за растление несовершеннолетних поса...

Тух...

— Ладно, ладно... Не посадят, будем считать, что это по обоюдному сог...

Тух...

— Так что, где я должен целовать, что вылизывать? Может, чешется что-то конкретное?

— ...Как прискорбно, кажется, Влас Эванс полностью выбил из тебя все остатки ума и чувство самосохранения... — она нежно посмотрела мне в лицо. — Как прискорбно... Как прискорбно... Кажется, ты не оставляешь мне другого вы...

Она резко запнулась и замолчала.

— Эх, — я вздохнул и вернул ей нежный взгляд, — а знаешь, в чём твоя проблема? — Самонадеянность и заносчивость. Они не красят ни одного человека, даже такую девушку с миловидным лицом как у тебя. Но это в лучшем случае, а вот в худшем... В худшем — ты становишься беспечным... Беспечным, понимаешь? По глазам вижу, что понимаешь. Только представь, если создать подходящие условия, даже ель будет чувствовать себя комфортно в знойной пустыне, что уж говорить о таком неприхотливом человеке как я?

Я посмотрел на свои кисти и сказал:

— Сломай их.

Послышался звяк треснувших оков.

— Вот, — я встал и с хрустом потянулся, — хоть какой-то толк от твоей магии, хоть какое-то достойное применение, не зря же синтезировала, хах.

Я продолжил:

— Знаешь, что самое прискорбное? Ты здесь так долго распиналась, так живописно угрожала, так уверенно внушала, а сейчас... — я огляделся. — А сейчас ты смотришь, не можешь ничего сделать и даже не понимаешь, что происходит. Хотя где-то там... — я вплотную прижался к ней и прошептал на ухо, — к тебе медленно приходит понимание. Говоришь, знаешь что такое настоящие страдания? Настоящие страдания — это перейти мне дорогу. И, увы, ты не чёрная кошка, чтобы я просто проигнорировал это или даже обрадовался, угостив тебя от радости чем-то вкусным... Хотя... говоря о вкусном... учитывая, сколько времени ты выкроила для свидания со мной, я и вправду мог бы тебя кое-чем угостить, только вот... я так сильно тебя презираю, что, боюсь, у меня даже не встанет.

Я с «грустью» покачал головой и взял её за острый подбородок:

— Ни твоё милостивое личико, ни твой возбуждённый вид, ни даже твои глаза, так сильно жаждущие меня, — ничто не сможет исправить это, поистине, удручающее положение дел. Так что... Просто утихомирься, тебе всё равно ничего не светит. Сколько бы ты меня не желала, как бы не пыталась соблазнить, твой уровень — лишь всякие уроды. До меня расти и расти... Эй, тише-тише, — я ласково погладил её по голове, — магия? Магия тоже не поможет. Так что просто расслабься и получай удовольствие, хотя... понимаю, без какой-либо интимности в наших отношениях начать получать удовольствие трудно. Увы, интимность тебе не светит. Хотя прояви инициативу чуть раньше, быть может, и преуспела бы.

Я раздвинул несколько упавших прядей и посмотрел ей прямо в глаза:

— Пришла ко мне, оскорбляла меня, била меня — смотрю, ты очень нехорошая девочка. Просто мазохиста... Всё равно что прийти и попросить хорошенько выпороть себя. И кто знает, как бы всё обернулось, не приди ты ко мне? Может, на твоём месте был бы кто-то другой, такой же беспечный? Например, какой-нибудь Кудо? А может, меня бы запытали до смерти какие-нибудь умельцы? Хах... прости, самому смешно стало... А может, никто бы так и не пришёл, и мне бы пришлось ломать голову: как быть?; что делать?; чего бы разрушить?; кому бы выписать билет в один конец? — и это лишь капля. Вариантов ведь куда больше, но сейчас... Прямо сейчас предо мной ты — другие варианты больше не нужны, разве это не чудесно? Такая сильная, такая храбрая, такая красивая — пришла в логово чудовища и даже «преградила себе все выходы и входы», видимо, совершенно не задумываясь, что нужно будет отступить и спастись бегством. Даже не подумала, что для кого-то твои хитроумные трюки не более чем детский лепет... Будь ты куда хитрее, я бы даже решил, что просто подыгрываешь мне, однако... Глупая... Наивная... По-другому я просто не могу тебя описать. Но несмотря на это,

проигнорировать все твои старания и не вознаградить тебя я тоже не могу... — я улыбнулся ей и продолжил:

— Этот взгляд, как много ты хочешь сказать. Я вижу. Но прости, сейчас не тот случай, когда я могу выслушивать «последние» слова. Хотя мне очень и хочется. Честно.

— Знаешь, — я погладил её по голове, — пусть я и презираю тебя, но отчасти, мне даже грустно: такая милая девочка, а злая, как бездомная собака. Бедняжка... Даже не знаешь, что такое настоящее счастье и ласка... Быть может, я смогу помочь? Когда-то я даже планировал стать врачом, представляешь? Наша встреча — твоя самая счастливая случайность в жизни. Иди ко мне, — я сел обратно на стул, притянул девушку и усадил к себе на колени. — Честно говоря, я должен был бы дать тебе хорошенько выговориться, но... даже не хочу объяснять... Ты всё равно не оценишь и не воспользуешься этой возможностью, но знай, ты многое потеряла — я очень хороший собеседник. В общем, мне проще придумать другой способ сделать тебе приятно перед тем, что произойдёт в скором будущем.

Я притянул и полностью уложил её на себя. Голова упёрлась в моё плечо. Я посмотрел на неё:

— ...Так вот, в скором будущем — ты скорее всего умрёшь. Поэтому я должен хоть как-то перебороть своё презрение и сделать хоть что-то, чтобы последние часы твоей жизни состояли не только из боли и отчаяния... — моя рука томно гуляла по её телу, не пропуская ни одного участка. Плотная ткань не могла передать всю нежность и тепло ладони — как хитрый змей, она проникла под одежду. — Ох, ты такая горячая, — шепнул я, практически полностью соприкасаясь губами с её шеей. — Неужто даже такая «госпожа клана» не способна устоять в моих объятиях и не превратиться в наивную девочку? Пылающую от страсти и возбуждения? Это так мило...

Губы полностью соприкоснулись с тонкой шеей, рука же достигла «неизвестности», утонув в ней, как зебра в болоте, — её голова сильнее впилась в плечо.

— Тише-тише, мой ненасытный щенок: то, что я дал тебе больше свободы, не значит, что я полностью ослабил хватку. Может, я и не самый приятный человек, хотя это не так (!), но если я кому-то решил сделать приятно, то приложу для этого определённые усилия. Так что — просто расслабься. Просто получай удовольствие. Договорились? — мягко спросил я, не сбрасывая темпа, скорее, наоборот.

— Хааа... — так как говорить она не могла, да и не нужно было, она лишь издала негромкий звук, похожий на лёгкое поскуливание маленького щенка, перед которым поставили миску с едой.

— Вот так, — я обнял её второй рукой и прижал ещё ближе к себе, вторая же продолжала своё трогательное представление.

Шея и губы вновь соприкоснулись, а горячее тело сильнее вдавило меня в стул. Казалось, из лёгкой песчинки, она превратилась в тяжёлый камень. Однако это ничуть не напрягало,

скорее, даже наоборот.

В какой-то момент я дал ей ещё больше свободы над телом, чтобы она могла менять позу и изгибаться по собственному желанию. И теперь, в отличие от прошлого раза, она использовала «больше свободы» исключительно по назначению, собственно, как это и задумывалось: без лишних перипетий и восстаний, отчасти, потому что была практически на пике своих желаний и ощущений; отчасти — сопротивляться бессмысленно априори; отчасти — трудно устоять перед таким красавчиком как я, ха-ха... Теперь стало казаться, что в моих руках не тихая девушка, а слизкий угорь, извивающийся во все стороны, как гимнастическая лента. Однако нежное постанывание, идеально сочетающееся с её милой внешностью, помогало вернуться с небес на землю, отгоняя прочь это нелепое сравнение с речной рыбой.

— Хааа... — пленительно издала она, впившись в меня своими пальцами. В ответ на это искреннее проявление удовольствия я вознаградил её ещё бóльшим наслаждением.

Вероятно, любой вошедший в нашу интимную камеру во второй раз, застал бы самую противоречивую картину в своей жизни, беря во внимание тот факт, что он видел в первый раз. Правда, на деле, лицезреть происходящее мог только я (и только она, принявшая самое неправильное решение в своей жизни, когда пришла ко мне в одиночку и уединилась со мной тет-а-тет, дав указания другим людям «исчезнуть и не беспокоить», а их присутствие не позволило бы мне, точнее нам, разгуляться вот так — на полную катушку).

— Хааа... — послышались финальные аккорды.

Её тело сползло чуть вниз, будто я не человек, а широкое кресло, на котором можно вальяжно распластаться.

Продолжая обнимать её одной рукой, поглаживая при этом пальцами по щеке, я сказал:

— Вот видишь, я не лгал, со мной всегда легко и непринуждённо, особенно в интимной обстановке, — она дёрнулась. — Тише-тише. Поздно негодовать, особенно после такого приятного времяпровождения.

Она хотела сопротивляться, но всё было тщетно. Чуть погодя, когда к ней пришло очередное понимание собственного положения, я сказал ей встать. (Хотя, учитывая, что к этому моменту она была снова под моим контролем, подымать её пришлось самому.)

Я встал вслед за ней и потянулся: она отсидела мне всё, что только можно. Немного размявшись, я посмотрел на обездвиженную девушку, чьё лицо имело непередаваемо-пакостное выражение.

— «Госпожа клана», сделай лицо попроще. Я, конечно, понимаю, что ты удивлена, но всё же... Да и удивляться нечему, я всё-таки какое-то время жил в Сибири... В Сибири, понимаешь? Нет?! Как так-то?! В общем, чудная история: жил я какое-то время в Сибири — местный

медведь дал мне пару уроков игры на балалайке, ха-ха...

— Так что нечему удивлять! — гордо добавил я. — Деревянные инструменты — моя стихия!

— И ещё одно, даже если тебе удастся выжить, не искажай события и не лги! Не говори, что я тебя изнасиловал! Говори честно: «Он просто мне подрочил!» — вот умора будет, ха-ха...

— Стоп! — я ошарашенно посмотрел на неё. — Разве из-за этого ты не можешь «потерять положение в клане»? Ну вот, почему ты не сказала?! Я бы так глубоко не входил, то есть далеко не заходил... Да какая уже разница!

Глава 202. Лилит Бортэ

(От 3 лица)

Кадры мелькали один за другим, будто кто-то щёлкал слайды на проекторе. Двери, стены, окна... — в этот раз все эти обычные вещи воспринимались совершенно иначе, не говоря уже о других людях: будь-то следователи, будь-то подчинённые из клана, которые быстро увязались следом за Лилит Бортэ, ожидая ответов и приказов. Одним словом, всё казалось каким-то фальшивым, будто по щелчку пальца весь окружающий мир превратился в двухмерное пространство на плоском экране какого-нибудь устройства: кажется, всё прямо перед тобой, но при этом — невообразимо далеко. И сколько бы ты ни старался, сколько бы ни пытался сломать эти оковы — всё тщетно: это не то, с чем ты способен совладать, не то, что ты можешь контролировать. После множества безрезультатных попыток наконец-то приходит самое трудное понимание в твоей жизни: фальшивым стало не всё вокруг, фальшивым стал ты сам... Именно нечто подобное сейчас и чувствовала Лилит Бортэ, и самое главное: сказать, что это «трудное понимание» удручало её — ничего не сказать. Нет. Это понимание, как снежная лавина, сносила всё на своём пути и оставляла чувство глубокой опустошённости.

Лилит Бортэ шла по коридору. Несколько минут назад она уверенным и спокойным шагом вышла из «интимной» камеры. Причём сколько бы она не прокручивала произошедшее / происходящее в мыслях, это словосочетание слышалось ей лишь одним конкретным голосом — голосом, забыть который или вырезать из памяти, казалось, уже никогда не будет возможным.

Шла Лилит Бортэ с гордым видом и каплей высокомерия на лице — всё как всегда, ничего необычного: она ничем не отличалась от обычной себя, по крайней мере, без досконального анализа придраться было не к чему. Однако, несмотря на спокойный вид, вокруг неё слабо кружила магическая сила, не то, чтобы она собиралась нападать, но она явно была возбуждена. Хотя парочка подчинённых, которые быстро устремились за ней вдогонку и которые заметили это состояние, первым делом предположили, что она в ярости. А учитывая, в

каком виде она оставила человека в камере (определённо, даже в более печальном, чем его туда привели), это предположение быстро перешло в разряд «полной уверенности».

Даже её молчаливый вид и нежелание сказать хотя бы слово своим прихвостням, не могли выдать «идеальную подделку». Видя себя «со стороны», Лилит Бортэ осознала, в какой неблагоприятной ситуации оказалась: будь то тело, будь то магия или даже отдалённый контроль — в «его» руках всё это не имело значения. В «его» руках всё было тривиальным.

Подать сигнал, условный жест, даже лишний раз пукнуть — всё было возможным только с его «разрешения», только с его команды, в остальном же — заключённое в самом себе сознание. Сознание, направляющее нервные импульсы в конечности и тело в попытках сделать хоть что-нибудь: хоть какое-то сопротивление, хоть какая-то борьба, но как и раньше — всё тщетно.

Остаётся содрогнуться и задуматься: «Какой вообще толк в редких способностях и магии, когда они совершенно бесполезны?!»

Литит Бортэ вышла из здания Антимагического Департамента, полностью проигнорировав его сотрудников и совершенно не обращая внимания на увязавшихся прихвостней. Не успев выйти, она мгновенно высвободила ещё больше кварков, активировала слэм и взлетела в сумеречное небо, полетев в определённом направлении. На первый взгляд — ничего необычного!

Перед ней мелькали вышки зданий, вдалеке — свет пронсящихся флаймов, а всё происходящее не сильно отличалось от её обычного маршрута, от привычных видов. Ещё немного и она сама поверит, что перед ней находится настоящая она, а не какая-то фальшивка. Ещё немного и она сама поверит, что её тело принадлежит и слушается не кому-то, а ей самой. Всё было так... так нормально.

«Вот ублюдство!» — она была настолько шокирована, насколько это было возможно. Однако её агрессия не была направлена на кого-то конкретного: ни на «этого человека», ни на саму себя, ни даже на Джулию Бортэ... А общение с последней, возможно, и послужило катализатором всего происходящего!

«Что ты здесь делаешь?! — у неё в голове зазвучал отчётливый голос Джулии Бортэ. — Нам не о чем говорить!»

«Вот ублюдство!» — снова выругалась нежная девушка.

◇◇◇

~Часом ранее.

После обеда (или около того), Лилит Б. заявила домой к Джулии Б. и стала ожидать её возвращения, умиротворённо присев на стул. Она прекрасно знала распорядок родственницы и когда та возвращается со своих занятий, так что появиться в месте назначения практически «за секунду до», ей не составило труда. А как все знают, главное — эффектно появиться.

— Что ты здесь делаешь?! Нам не о чем говорить! — было первым, что сказала Джулия Бортэ, завидев незваного гостя.

— Что здесь делаю? — улыбнулась Лилит Б., принимая сердитый взгляд родственницы. — Просто пришла проведать свою дерзкую «сестричку», нельзя?

— Нет! — услышался однозначный ответ. — Нельзя!

— Вот и я считаю, что можно и даже нужно. Мы так давно не виделись~

— Что тебе нужно?! — негодовала Джулия Б.

— Да так~ Как обычно~ Решаю некоторые вопросы, связанные с кланом~

— Проваливай! Я... Я никогда и ни за что не вернусь!!

— Правда? Грустно это слышать... Никогда не говори никогда...

— Проваливай!!

— Уже? Мы ещё даже не поговорили.

— Что тебе нужно?! — повторила Джулия Б. всё также резко, однако в голосе появилась лёгкая дрожь, которой поначалу не было. Она понимала: всё это не к добру! Она всегда боялась, что в один из дней к ней придут члены клана. Ей даже не хотелось лишний раз об этом думать, однако сейчас всё предстало перед ней именно так, как она и представляла, причём в своих самых кошмарных фантазиях.

— Слышала, у тебя появился «любовничек», не рано?

— Что за ересь! Ты пришла сюда нести какой-то бред?! Ты чокнутая — проваливай отсюда!

— Не начинай. Ты должна прекрасно знать, о чём я...

— Я не знаю и не хочу знать!

— Не кричи. Есть один человек. Такой наглый. Необразованный. Ты его знаешь...

— Никого я не знаю!

— Такой сопливый, явно имеет «отмороженные» корни... Трудно не запомнить, не так ли?

— Это...

— О, всё-таки знаешь, а говоришь нет.

— Он... Причём здесь он?! Мы даже не общаемся!

— Причём? Например, при том, что он помогал нашему врагу...

— Что за очередная ересь?!

— Это не ересь.

— Тогда... Что с того?! У вас так много врагов, что любой прохожий — ваш враг или помогал ему! Говори прямо, что тебе нужно от меня?!

— Прямо? Тогда с чего бы начать... — Лилит Б. задумалась. — Если говорить в целом, то...

...

— Опять какая-то чушь! Всё сказанное тобой — сплошная чушь! Я люблю его?! Он любит меня?! Мы даже не общаемся! Не говоря уже о том, что он любит только своё отражение в зеркале!

Джулия Б. замолчала, продолжая испепелять сидящую поодаль собеседницу своим взглядом.

— А часть с Ганцом Йохансоном тебе вообще не интересна? — посмеиваясь заметила Лилит Б.

— Мне всё равно! Почему это должно меня волновать?!

— Может, потому что в тот день ты чуть не умерла под обломками? Может, потому что всё это касается и тебя? Но если нет, то может и ещё почему-то — сама скажи?

— В тот день?! Сейчас я жива — остальное неважно. И вообще, какая тебе разница?! Переходи к делу — что тебе нужно?! Что ты хочешь услышать?! Что я о нём знаю?! Что я знаю о Ганце Йохансоне?! Я ничего не знаю! Разве твой клан не знает куда больше?!

— Меня не сильно интересует, что ты знаешь, а что нет. Я здесь не за этим, но раз уж ты начала, то мне будет очень интересно послушать, что ты расскажешь об этих двоих, даже если я это и знаю. Так что?

— Что?! Почему бы тебе просто не убраться?! — уверенно ответила Джулия Б.

— Никаких манер... Тебе не стоит забывать, какой семье ты принадлежишь, а значит — не стоит забывать и свои манеры.

— Я никому не принадлежу и ничего не забываю!

— Не забывайся, Джу~ И не стоит забывать, кто поддерживает твоё решение, иначе можно и пожалеть.

— Поддерживает?! Ты точно не имеешь к этому никакого отношения!

— Нейтралитет — это тоже своего рода поддержка, а вот... Что будет, если я, например, займу противоположную позицию и полностью настою на своём? — Лилит Б. нежно улыбнулась. — Так что, всё ещё думаешь, что я не имею к этому никакого отношения?

— ...Что тебе нужно — говори прямо и всё!

— Как я и сказала, для начала можешь рассказать о Ганце Йохансоне и своём однокласснике...

— Он не был моим одноклассником!

— Неважно~ Так что?

— Ганца Йохансона я видела редко, я знаю о нём только как о директоре и учителе. Он никогда не разговаривал со мной, я — с ним. Это всё. Насчёт второго — мы просто учились в одной школе, не более. Всё!

— Просто учились?.. Таких к себе домой не водят...

— Он просто зашёл воды попить!

— И ты поила его час с лишним?

— Нет! Мы... Мы просто поговорили о том о сём — не более!

— Например?

— Например... о моих работах...

— О них? — Лилит Б. просила взгляд на картины, затем остановилась на мольберте. — Сколько там уже закреплена та цветастая клякса? Месяц? Другой? Или больше? Ты могла бы заниматься более серьёзными вещами...

— Иди \$%^&*(

— Манеры~ Не заставляй меня повторяться. Или, может дело в плохом окружении?

— Отстань от моего окружения и хватит угрожать мне!

— Угрожать? Я и не думала о таком. Но до тех пор, пока ты помнишь, кому принадлежишь и как себя вести — я счастлива. Так что там с «водопоем»?

— ...Он попил. Мы поговорили. Он ушёл. Между нами ничего нет и не было. Всё. В школе мы несколько раз пересекались. Пару раз поспарринговались: он сам предложил, когда я искала партнёра. По неосторожности была ранена — с того момента мы больше не общались. Всё.

— По неосторожности?

— Да, своей неосторожности!

— Уверена?

— Да!

— Ладно... Не имеет значения. «Он» своё ещё получит~

— Пойдёшь «вершить правосудие»?! Смешно не правда ли? С каких пор ты такая «праведная»?

— Я между прочим переживаю за тебя, а ты язвишь. Хотя... Нечему удивляться — это всё-таки моя дерзкая «сестричка».

— Оставь свои «переживания» при себе. Я всё рассказала, если больше ничего не нужно — выход позади меня.

— Всё? Разве я не могу просто так поговорить со своей «сестричкой», а она со мной? Зачем так сильно нервничать?

— Нервничать?! — негодовала Джулия Б. Она продолжала испепелять собеседницу взглядом.

— Нервничать... Ты за этим здесь, да? Вот оно что! — резко сказала Джулия Б. кое-что осознав.

— Все эти рассказы про Ганца Йохансона, про «любовь» — думаешь, я тоже в этом замешана?! Думаешь, я пошла против клана, а?!

Осознав «причину прихода» Лилит Б., Джулия Б. взорвалась и перестала сдерживаться:

— А знаешь! Исчезни клан — я буду только рада! Но, как жаль, меня никто не позвал поучаствовать в этом! И почему мне только никто не предложил?! — она едко удивилась и пожала плечами. — Тогда бы тебе не пришлось делать этот крюк — все бы «дружно» встретились в полиции или где их то есть «его» держат! Как жаль!

— Советую правильное подбирать слова и думать, что говоришь, хотя признаю, твоя неизменная дерзкая натура достойна похвалы. Я хорошо знаю, что ты никогда бы не пошла против семьи, так что не выдумывай. Я здесь только из-за своей «сестрички», так что никаких «крюков» мне делать не пришлось. Да и не нужно меня так принижать: всяких ублюдков могут допросить и более квалифицированные люди, а не такая хрупкая девушка, как я, — спокойно заметила Лилит Б.

— Как прискорбно, но кажется «всяким ублюдкам» я симпатизирую куда больше, чем такой «хрупкой девушке», как ты.

— Не стоит утрировать...

— Я не утрирую! Это чистой воды правда! Не забывай, я всё-таки знаю как этого «ублюдка», так и эту «девушку» — так что смысл идеально отражает действительность!

— Мне грустно это слышать... Ты бьёшь в самое больное... — Лилит Б. наигранно приложила тыльную сторону ладони ко лбу. — И что я тебе такого сделала?

— А знаешь, — Джулия Б. снова пошла в «атаку», — если бы он попросил помощи, сотрудничества или даже случайно рассказал о чём-то подобном — я бы с удовольствием помогла ему, независимо от того, подчиняется он Ганцу Йохансону или какому-нибудь дьяволу.

— Вот как... Как я и сказала — в самое больное...

— Больное?! Разве такая как ты способна её чувствовать?! Разве ты не всего лишь безжизненная кукла?! Кукла, без чувств и эмоций — идеальный инструмент для «решения клановых вопросов» и «удовлетворения потребностей "его величества" — главы клана», разве нет?!

— Вот видишь, даже ты умеешь подбирать приятные слова и делать комплименты, — нежно улыбнулась и ответила Лилит Б.

Чуть погодя она поднялась и направилась к выходу.

— Не забывай, — бросила она перед уходом, — ты тоже часть семьи.

Кто знал, быть может, Лилит Б. было очень обидно, а может, она и вправду превратилась в безжизненную куклу — вопрос, ответ на который не знал, наверное, никто.

Когда она оказалась снаружи, её встретили несколько человек:

— Вы куда? — слышался вопрос.

Однако Лилит Б. проигнорировала их и с гордо поднятой головой взлетела и полетела куда-то в сторону.

Быть может, ей нужно было развеяться? Подышать свежим воздухом или выпить чего-нибудь сладкого? Однако чтобы это ни было, даже сама Лилит Б. не знала к чему приведёт её решение и как сильно оно повлияет на её жизнь и будущие события в целом. Как минимум она и представить не могла, что узнает как настоящие профессионалы играют на балалайках.

◇◇◇

Лилит Бортэ приближалась всё ближе к окраине города, отчего чувство неизвестности всё сильнее и сильнее угнетало её разум. Она искренне не понимала, что её ждёт впереди и куда она направляется. Она лишь понимала, что человек, способный на такое «подчинение», на такие манипуляции, ещё и на таком расстоянии... — не просто необычный человек, а «за гранью» необычный человек. Имея хорошее представление о волшебниках «сего мира», причём далеко не последних волшебниках, она искренне недоумевала и не знала, с кем из них можно было бы провести параллель. Несомненно, «стиль» у всех разный, но человек, способный так легко подавить всю её силу, всё её тело?.. Какой бы «стиль» ни использовал такой человек, на чём бы он ни специализировался и кем бы ни был — одно его умение такого «подавления» говорило о многом... очень многом! А Лилит Бортэ?! Лилит Бортэ на минуточку была не намного слабее Ганца Йохансона! И то, только с точки зрения общих навыков и опыта, с точки же зрения чистой магии она его вполне превосходила, и, учитывая их разницу в возрасте, со временем могла бы догнать или даже перегнать, но сейчас...

Сейчас она повстречалась именно с таким «за гранью» необычным человеком. Человеком, весь

вид которого, всё поведение которого и вся сила которого были по-настоящему «за гранью» — девушка испытывала лишь чувство глубокого непонимания! Это непонимание не унималось, даже несмотря на её опыт, силу и знания, более того, непонимание даже смогло затмить бушующий букет эмоций во главе со злостью и ненавистью. Её эмоциональное состояние было настолько неуравновешенным, что даже суть фразы «потерять своё положение в клане» совершенно не волновала её. Будь Лилит Бортэ роботом, её можно было описать словами «сбой в программе», но она была человеком. Человеком, чьё закостенелое мышление, причём в столь молодом возрасте, и вправду не сильно отличалось от программного скрипта, несоответствие с которым выводило всю систему из строя. Другой вопрос, вероятно, самый интересный — что же всё-таки является истинной причиной этого сбоя: осознание силы противника или непринятие собственного бессилия — унижения?! Хотелось бы сказать, что первый вариант, однако... Существуют ли вообще клановые волшебники, которых не готовили к «необъятности неба и земли» и к существованию по-настоящему могущественных людей?! Даже если такие необразованные волшебники и есть — Лилит Бортэ точно не относилась к их числу. Что уж говорить, если об этом знали даже её помощники, которые летели за ней с самого АДа, не отставая ни на йоту. К слову, заподозрить что-то неладное они так и не смогли, да и их госпожа терпела фиаско за фиаско пытаясь подать сигнал о помощи. От этого бессилия у неё всё сильнее возрастало ощущение, что «этот человек» знал её лучше неё самой. И пусть на деле это было не так, и пусть глубоко в сознании она прекрасно понимала, что любой знающий её как родную явно заподозрит неладное после недолгого общения — избавиться от нарастающего страха девушка всё равно не могла: события развивались слишком быстро, слишком уверенно. Создавалось ощущение, что теперь вся её жизнь и всё её существование превратились во что-то заведомо предрешённое. Предрешённое и находящееся в чьих-то руках — чужих руках! Однако реальность была куда более жестокой, ведь это было не просто ощущение — нет! — это была истина — неумолимая правда: её жизнь принадлежит чужим рукам! Не было никакой надежды на благоприятное развитие событий и тем более на счастливый конец — беспросветная тьма!

Шух...

Лилит Бортэ приземлилась в тихом и относительно уединённом месте — перед ней стояло здание. Она выбила входные двери и вошла в просторное помещение, в центре которого выжидающе стояла фигура — до боли знакомая фигура!

«Ты?!» — мысленно выругалась девушка.

«Ты?..» — схожие мысли посетили и стоящего человека, только он был куда спокойнее.

Этим человеком был Ганц Йохансон, чья жизнь пошла по женской линии с того самого времени. Ещё немного и он бы сказал, что это был самый ужасный период в его жизни, однако ему стабильно передавали передачи со сладостями — жить можно было.

Шух!

Неожиданно оба приняли боевые позиции и развязали «свою» магию. Только сейчас Лилит Бортэ осознала, что используемая «ею» магическая сила с самого начала принадлежала не ей.

Она была «его» — исключительно его! Хотя в незначительных количествах содержала и её собственные кварки. Несла их в общем потоке, как бурлящая река несёт тушки вздутых кабанчиков, не сумевших вовремя покинуть вязкий берег или удержаться на краю обрыва. Её кварки были просто для вида, как грязь на подошве, оставляющая следы на полу. Вспоминая его прошлые слова и свои изначальные действия, теперь Лилит Бортэ не могла не согласиться, что поступила очень небрежно, придя к нему вот так просто, так самодовольно и так нагло, да ещё и своими уверенными действиями вручив все «привилегии» для превосходства и собственного унижения.

«Глупая... Наивная...» — в её голове сами собой всплыли эти слова. Слова, с помощью которых охарактеризовали её как личность. Слова, с которыми трудно было смириться или согласиться, особенно когда ты гордый человек, такой же гордый как молодая госпожа могущественного клана! Скорее всего, такому человеку было куда проще прийти к выводу, что во всём виноваты невнимательность и невезение, одним словом, — неудачное стечение обстоятельств, чем открыто признать свою глупость, свою наивность — признать неправоту!

«Стоп... — Лилит Бортэ стала медленно приходить в «сознание». — Стоп!.. — успокаивать бушующие мысли. — Стоп! — вспоминать и сопоставлять. — Стоп!! — кричать».

«День! Тот день!» — её осенило.

Весь вид атакующего Ганца Йохансона наложился на его прошлый образ. Образ из воспоминаний! С самого начала ей казалось, что она что-то упускает. Но эмоции бушевали. Голова не хотела работать. Мысли не могли собраться воедино! Но сейчас! Сейчас, после очередного взгляда на своего противника, убегающая от неё мысль наконец-то достигла разума. Пазл мгновенно собрался. В голове всплыли недавние слова — «его» слова: «...не понимаешь, что происходит...»; «...где-то там к тебе медленно приходит понимание...»

Понимание пришло.

Откровенной душой Лилит Бортэ точно никогда не была. Однако эмоции способны затуманить даже её разум. Разум, казалось, бесчувственный и непоколебимый. Разум, имеющий ответы на «все» вопросы. Мнение на любую ситуацию.

И вот, успокоив бушующие мысли ей не составило труда связать всё происходящее воедино.

«В тот день он был там...»

«Сейчас... Признался сам...»

«Солгал всем нам...»

Лилит Бортэ не хотела верить собственным умозаключениям.

Но кто-то за всем этим должен был стоять.

«Кто-то...»

И если не Ганц Йохансон...

Не Риган О'Лири...

Не любой другой известный враг...

Не любой другой Мировой Волшебник, игнорирующий «правила»...

«Кто?..»

Этот вопрос будоражил её сознание. Отчасти было даже хорошо, что тело жило своей жизнью: защищалось, атаковало Ганца Йохансона, перемещалось в пространстве — можно было спокойно думать о своём.

«Кто... он?..»

Ощувив на собственной шкуре силу «подавления», она была готова полностью поверить в невинность Ганца Йохансона, нет, она уже поверила в неё! Она уже знала, что именно с ним произошло в тот день!

«КТО... ОН?..»

Ответа не было.

Как бы Лилит Бортэ не пыталась, но она так и не смогла найти связь между «ним» и кем-то или чем-то, о чём бы ей было известно.

Она была уверена, что Ганц Йохансон перед ней, такой же, как и она сама. Такая же жертва обстоятельств. Жертва его рук! И пусть она прекрасно знала, что Ганц Йохансон способен на многое — очень многое! — ситуация с разрушенной школой вызывала сомнения и у неё.

«Почему?! Почему?! Почему же ничего не было!? Хоть малейшая зацепка!»

Ей оставалось сожалеть о потерянном времени. Но правда заключалась в том, что если не зацепки, то хотя бы подсказки у них были. Будь то её последний бой с Ганцом Йохансоном и показания подчинённых, будь то явная неоднозначность произошедшего в целом. Даже ситуация с пропажей трупов могла косвенно помочь... Правда, с другой стороны, такое

большое количество происходящих событий и возможных виновников привели и к обратному эффекту — к неправильному ходу мышления, к неправильным догадкам, к ложным умозаключениям: нужно было концентрироваться не на имеющихся данных, нужно было концентрироваться на поиске новых... Поиске нового ВРАГА. Врага, чьё присутствие, как бы прискорбно это ни звучало, было всегда на виду. Чей след тянулся с самого начала. Чьё понимание происходящего было куда глубже...

Осознание столь кошмарной действительности, где «простой подросток» подчиняет себе Мировых Волшебников, как уличных собак, манипулирует людьми, как тупыми детьми, и жертвует жизнями, как чем-то незначительным, заставляло Лилит Бортэ — Лилит Бортэ! — испытывать страх и дрожь. Она бы с удовольствием превратилась в трясущийся холодец, но она не могла позволить себе даже этого — выплеснуть наружу животный страх: каждая клеточка её организма принадлежала не ей! Каждая клеточка её организма была подконтрольна чужеродным кваркам! Кваркам, насильственно подавляющим её собственные частицы. Её собственное существо. Подавляющим точно так же, как диктатор подавляет собственное население и его права.

Насильственное подавление Лилит Бортэ было очень жестоким. Оно просто не могло не привести к негативным последствиям... Однако даже несмотря на это, девушка не чувствовала, что чужеродные кварки причиняют вред. Ни тело, ни органы, ни магические узлы — ничего не было затронуто.

«Какой контроль! — в попытках осознать силу ВРАГА, ей оставалось поражаться ещё сильнее. — До чего же подавляющая магическая сила!»

Вероятно, она впервые испытывала такой страх — страх перед другим человеком! Неизвестным человеком! Перед тем, кто с такой лёгкостью мог подражать магии и жестам. Кто так беспечно вёл себя с другими. Обладал колоссальным мастерством. Играл!

Как человек, воспитанный могущественным кланом и как его госпожа, она прекрасно знала одну вещь: такого мага нужно либо подчинить — уверенно и непоколебимо, либо уничтожить — быстро и абсолютно. Но как высокоуровневый волшебник, эрудированная девушка и точно не безмозглый человек, глубоко внутри она понимала: первый вариант неосуществим, а второй... Нет, она была уверена в своём клане! Точно уверена!

Или?..

«Хватит! — она дала себе мысленную пощёчину. — Нужно разобраться в ситуации! Нужно понять, что вообще происходит! Нужно успокоиться!»

Вероятно, такой вспыльчивой и несдержанной она могла быть только в мыслях и фантазиях. А ещё — допрашивая всяких ублюдков!

Бах!

Две противоборствующие силы наконец-то достигли своего апогея (для стен этого здания) и мгновенно снесли его самые ветхие части, как ветер сносит своим напором картонный домик!

Ганц Йохансон и Лилит Бортэ взлетели в воздух — кажется, очередного «происшествия» никому не избежать.

Глава 203. «Высшая магия воды» (часть 1)

Ганц Йохансон и Лилит Бортэ летели вверх. В целом, оба осознавали, что происходит. Оба оказались втянуты в шторм — в засасывающий водоворот! Оба сопротивлялись — предпринимали попытки взять всё в свои руки! Тщетные попытки! В этом они были похожи.

Однако, как бы это удивительно ни было, целостное и более глубокое осознание происходящего было именно у Лилит Бортэ, по крайней мере, в данный момент времени. В отличие от неё, Ганц Йохансон походил на вполне несведущего человека. Как минимум девушка была практически полностью уверена, что её противник такой же безвольный, как и она сама, — такая же жертва! — и уж тем более не является виновником происходящих событий. В то время как бывший директор школы мог похвастаться лишь знанием, кто корень конкретно его проблем. В остальном же он был на все 100% уверен, что напавшая на него госпожа клана Бортэ — «настоящая» госпожа клана Бортэ, как собственно и её люди, как и появившиеся на горизонте другие волшебники.

Ганц Йохансон прекрасно понимал, кем он стал и в каком положении находится, точнее — прекрасно понимал, кем его сделали и в какое положение поставили. Однако, несмотря на это, даже будь он сейчас «самим собой», вероятно, развитие событий было бы точно таким же — сражение до полного подавления одной из сторон! Истина заключалась в том, что даже имея Ганц Йохансон возможность говорить, он бы всё равно не стал разъясняться перед Лилит Бортэ или тем более оправдываться, а она в свою очередь, оказись перед ним при любых других обстоятельствах, не стала бы уделять и толики времени на выслушивание его оправданий. Замкнутый круг неприязни, гордости и высокомерия, победителем в котором, как можно видеть, оказалась лишь одна сторона, причём сторона, не относящаяся ни к Ганцу Йохансону, ни к Лилит Бортэ.

Сторона, прямо влияющая на направление и развитие событий. Прямо искажающая их. Нагнетающая. Но при этом не принимающая никакого видимого участия. Как ни посмотри, всё происходит так, как «и должно происходить». Можно даже сказать, что добрый человек просто помог двум противоборствующим силам наконец-то набить друг другу морды, потому что сами они ещё бы нескоро осмелились это сделать, предпочитая скулить исподтишка и раздражать друг друга своим смердящим лаем, как пара шавок, находящаяся по разные стороны забора.

Конечно, ни Ганц Йохансон, ни Лилит Бортэ так не считали (и вряд ли бы посчитали), двое

просто летели в вечернее небо: один с чувством полной очернённости, второй — униженности. Однако, как бы всё не обстояло на самом деле, чувство неприязни друг к другу у них всё же было, и от этого нельзя было куда-то деться: слишком сильна была их вражда, пусть, формально и не доходящая до прямой конфронтации. Вывод был один: что Ганц Йохансон, что клан Бортэ — это не те люди, которые стали бы объединяться против общего врага, по крайней мере, на данном этапе своих отношений. Даже понимающая чуть больше Лилит Бортэ не была тому исключением, пусть и знала кто по-настоящему «дышит им в спину». Нет. Даже наоборот! Она прикидывала, как бы использовать всё в свою пользу, как бы одним махом избавиться ото всех. Правда, получалось это очень плохо, да и избавлялись пока что только от неё.

Взлетев и остановившись в воздухе, двое зафиксировали взгляд друг на друге. Всё происходящее, на самом деле, исчислялось секундами, но они вполне успевали анализировать и следить за сражением, пусть и были на «заднем плане».

Остановившись, они закрыли собой часть небосвода, как два огромных облака: с одной стороны — Лилит Бортэ, окружённая магией воды, как бабочка крыльями, с другой — Ганц Йохансон. Он был менее внушительным, но более собранным: как хвост скорпиона, над ним покачиваясь весело колоссальных размеров металлическое оружие. Это было то самое пластинчатое жало, которое сегодня и близко не соответствовало тому маленькому подобию кухонного ножа, которым он пытался убить своего нынешнего «хозяина» тем ранним школьным днём. Размеры по-настоящему внушали, что уж говорить, если сам он (Ганц Йохансон) казался каким-то незначительным на фоне этого хвоста, как маленькая клякса на листе бумаги. Чёрная растрёпанная клякса, чей внешний вид за последние несколько месяцев стал в разы «волосатее»: густые пряди волос сливались с не менее густой бородой, которую в этом ночном небе можно было спокойно спутать с гнездом нескольких синичек. Одним словом, сегодняшний Ганц Йохансон по-настоящему внушал достойный вид — вид Мирового Волшебника! Начиная гибкостью и прочностью покачивающегося жала, которое могло в раз разрушить часть города, отбить сотни физических атак или защитить его тело, укутав толстой сферой. Заканчивая чёрной бородой «настоящего волшебника», способной приютить уставших синичек! Не то, что Лилит Бортэ, которая на его фоне была ничем непримечательной девушкой.

Просто девушка. Как ни крути, как ни верти — просто девушка! Ни бороды, ни покачивающегося жала, ни птичек, которые прилетели бы согреться в морозный день — ничего выдающегося. Только тонны воды и недовольное лицо. Простая ни дать ни взять. Однако во всей этой простоте было и что-то «светлое», что-то чарующее. То, что неспособен был передать даже Ганц Йохансон, сколько бы птичек ему не удалось приютить и согреть. Но что? Кто-то скажет, что ответа на этот вопрос нет, но это не так. Ответ на этот вопрос есть — был всегда. Более того, вероятно, часть произошедшего за сегодняшний день была связана именно с ним. Да и ответ на этот вопрос, определённо, не один — их больше! Два? Три? Четыре?..

Остановимся на двух. Во-первых, это не просто «тонна воды», нет, это ещё и чарующее море со своими пейзажами и уникальными обитателями. Во-вторых, это не просто «недовольное лицо», нет, это ещё и милое личико, способное вызвать сомнения у любого.

И Ганц Йохансон и Лилит Бортэ — оба обездвижено стояли в воздухе буквально несколько секунд. Умиротворённое затишье перед бурей, и закончилось это затишье очень и очень быстро. Тем, кто, собственно, нарушил его первым, была Лилит Бортэ. Её тело качнулось — тонны воды двинулись вместе с ней. Два водных «крыла» разошлись в стороны: левое разделилось на три части, каждое из которых трансформировалось в большие плоские диски, напоминающие толстые руны какой-нибудь древней цивилизации. Пусть они состояли исключительно из обычной воды, казалось, в них было что-то неестественное: создавалось лёгкое ощущение, что вода в них одновременно статичная и подвижная.

Правое же водное «крыло» распалось на большое количество водных потоков, мгновенно закрутившихся в спираль, образовав собой сужающиеся к кончику толстые пики, подобные сверлу строительного бура. Самый крупный из них располагался в центре и был в длину чуть больше трёх метров. Однако независимо от размера или формы, от всех пик исходило точно такое же двойственное ощущение, как и от трёх водных дисков: статичность и движение — странное противоречие двух противоположных явлений.

Весь внешний вид Лилит Бортэ преобразился. Из порхающей бабочки она превратилась в шипастого ёжика: диски расположились по кругу в одной плоскости с трёх сторон от девушки, а пики — со всех сторон, заняв выгодные позиции для нападения.

Девушка качнулась — мгновение — атаковала!

Несколько парящих пик вырвались вперёд — тело девушки полетело вслед. Нападая и всё время передвигаясь с места на место на небольшие расстояния — Лилит Бортэ всегда была в движении, как шершень увязавшийся за жертвой.

В отличие от столь активной, даже буйной девушки, Ганц Йохансон практически не двигался: стоял на месте, кажется, отбиваясь и анализируя происходящее перед собой.

Тух-з-з-з...

Две магии столкнулись!

В момент столкновения водных пик с составными частями длинного металлического жала, которое кружило вокруг Ганца Йохансона и быстро среагировало, защищая его от водных атак, появилась вибрация. Она распространилась по всей поверхности металлического оружия, заставив пластинчатую конструкцию трястись и звякать. Наблюдающему со стороны Ганцу Йохансону не очень нравился такой расклад (ему в принципе не нравилось всё происходящее), а когда не прошло и нескольких секунд, как кончик первой водной пики показался с обратной стороны одной из пластин, в нём вообще стало расти сильные недовольство и опасения.

Видя, как собственная магия успешно пробивает толстые металлические пластины большого куска металлолома и въедается в них, а значит и тормозит, Лилит Бортэ мгновенно направила все остальные водные пики прямо в Ганца Йохансона. Во главе летела трёхметровая, которая без каких-либо подвохов или хитростей была нацелена прямо в торс противнику. Ганц Йохансон, в свою очередь, понимая, что всё происходит МАКСИМАЛЬНО НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО ДЛЯ НЕГО и, возможно, его даже вот так вот прямолинейно «казнят», нагло подставив под атаки Лилит Бортэ, инсценировав её «величественную» победу, начал мысленный бунт, который, правда, не увенчался каким-либо успехом. Всё что ему оставалось, так это предпринимать тщетные попытки обуздать своё тело и магию!

Металлическое жало в это время извивалось из стороны в сторону с невероятной скоростью, принимая на себя удары водных пик, однако мгновение за мгновением вся подвижность, вся изначальная скорость улетучивалась. Водные пики не отставали, всверливались в металл и быстро проникали внутрь, понемногу превращая прекрасный хвост в покорёженное решето. Конечно, в целом такой расклад был куда лучше, чем если бы какой-нибудь из пик удалось успешно обойти жало и достигнуть тела Ганца Йохансона. Хотя, учитывая, что некоторые из них уже вот-вот выйдут с обратной стороны металлических пластин, радоваться было нечему.

Прошло немного времени, прежде чем из подвижного и гибкого оружия, жало превратилось в тугую и скрипящую кучу металлолома, разваливающуюся и опадающую на землю, как капли дождя, толку от которой было немного. (По крайней мере, на первый взгляд: Лилит Бортэ была осторожной, а члены клана охраняли её тыл. К слову о членах, охранять тыл — было самым эффективным их использованием, таким образом, они подстраховывали, но не мешали своей госпоже выкладываться на «полную». В целом, для них всё обстояло пока что вполне нормально, даже хорошо: Ганц Йохансон не выкладывался на всю, а госпожа не делала эксцентричных ошибок и даже на первый взгляд брала вверх. Им просто оставалось ждать более могущественного подкрепления. Но совсем бесполезными назвать их было трудно: они строили схемы и выжидали подходящего момента, чтобы атаковать.)

Звяк-скрип...

Послышался предсмертный стон металлического жала. Говорить о какой-либо манёвренности или стойкости было бессмысленно.

Фиу...

Фиу...

Фиу...

Больше ничего не сдерживало и не блокировало путь водным пикам — часть из них беспрепятственно достигали цели!

«ЭЙ!»

...

«ЧЁРТ!»

...

«ДЬЯВОЛ!»

...

Ганц Йохансон мысленно негодовал. Он чувствовал, нет, был уверен — его больше не планируют защищать! Но и своё тело он всё так же не чувствовал! Ни свободы! Ни вольности! Ни магии!

И в этот момент...

Хрусть!

Сустав его левой руки издал приятный стон — рука резко дёрнулась вперёд. Дёрнулась! Не сама!

Вверх! Вниз! Она могла спокойно двигаться.

Хрусть!

Хрусть!

Колени издали такой же приятный стон — Ганц Йохансон ощутил чувство «опоры», которое, к слову, тут же пропало, потянув его вниз. Но и так, его ноги приятно вибрировали. Что может быть лучше?!

Следом за этими приятными ощущениями пришло и ещё одно, вероятно, самое приятное — чувство своего собственного магического потока. Своих кварков! Получив немалую часть свободы, магическая сеть Ганца Йохансона так и бурлила, так и кипела — по-настоящему опьяняющее чувство! Не успев насладиться всем этим счастьем, нет, даже толком осознать, что произошло, как его рефлексы взяли вверх! Рефлексы, взращённые годами, долгими тренировками и сражениями — опытом! Они мгновенно среагировали — Ганц Йохансон развязал собственную магию. Начал защищаться и обороняться!

Первым делом он синтезировал несколько металлических браслетов прямо на своих конечностях и поясе, подхватив своё тело, затем — ринул вверх, уклоняясь от зубастых водных

акул Лилит Бортэ!

Одновременно с этим он использовал самый эффективный для данной ситуации слэм — реакцию метана (СН₄) с кислородом (О₂) — разновидность Магии Огня! Секундой позже все водные пики поблизости были окружены жарким пламенем. Сам же Ганц Йохансон продолжал подниматься выше вверх, оставляя яркое огненное представление за собой. Пики быстро испарялись — девушка явно не собиралась больше поддерживать их форму и поток — не собиралась преследовать ими противника! С одной стороны она вполне могла это сделать, но с другой — поддержание их формы в такой огненной гуще было затратно с точки зрения магической энергии. По крайней мере, решение Лилит Бортэ отказаться от них Ганц Йохансон обосновал именно последним вариантом. А учитывая, что к этому моменту девушка уже поджидала его на месте отступления, сомневаться в столь логических умозаключениях было бессмысленно.

Отлетев, Ганц Йохансон стал ещё более настороженным: его в любой момент могли атаковать исподтишка — он был считай что окружён. А все окружившие были явно настроены серьёзнее серьёзного: либо убить, либо очень сильно покалечить. Не успев даже зафиксироваться в воздухе и перевести дыхание, Ганц Йохансон уже видел новую стаю приближающихся пик, которые неожиданно атаковали сверху вниз — прямо навстречу ему! Заметить их сразу в такой ситуации, без шуток, было очень трудно: отчасти, потому что Лилит Бортэ не останавливала свой напор ни на секунду, отчасти, потому что использовать сенсорное поле кварков в полной мере, как собственно и магию, он не мог — собака, которой чуть приспустили поводок! Ему вообще было трудно что-либо делать, кроме как защищаться. Ганцу Йохансону даже пришлось отказаться от навязчивой идеи избавиться от остатков чужеродной энергии в теле, большая часть которой «засела» во второй половине, ведь только предприняв первую попытку, он чуть ли не отправился на тот свет, еле-еле увернувшись от новых атак Лилит Бортэ.

Сейчас нужно было сконцентрироваться только на сражении, только на защите! Никакого бунта! Казалось, ему прямо намекнули на это! Иначе эта ЧЁРТОВА ДЕВКА убьёт его в мгновение ока!

Не долго думая и по чуть-чуть смиряясь со своей участью, Ганц Йохансон направил тонны ранее синтезированного пламени вверх. Оно мгновенно догнало его, окружило и, не останавливаясь, продолжило своё движение вверх переливающимся столбом. Со стороны казалось, будто огненная башня окружила и перелетела его тело, чтобы поглотить все атакующие пики.

Однако в этот момент:

Шух!

Будто ожидая чего-то подобного, Лилит Бортэ была тут как тут — практически вплотную рядом! Она атаковала его самолично! Атаковала водной пикой! Или нет? В отличие от остальных, эта была более длинной и на порядок тонкой, больше напоминая закрученную рапиру, а не «буровую» пику. Девушка держала её непосредственно в руке. Три плоских диска подлетели вместе с ней. Окружали с трёх сторон. Защищали.

«Чёрт! — выругался Ганц Йохансон. — До чего же быстрая».

Он мгновенно синтезировал перед собой толстую металлическую плиту, не очень большую, но надёжную — противник уже атаковал — неизвестно что будет дальше!

Однако, несмотря на прочность защитной плиты, не успев кончик водного клинка соприкоснуться с её поверхностью, как его остриё стало достаточно быстро проходить внутрь, как нож в подмёрзшее масло. Ощувив это, Ганц Йохансон стал в разы серьёзнее: такое использование водной магии было до ужаса дьявольским! (Конечно, используй он в качестве слэма для металла такой же синтез как и Мишель Лири (вольфрам) — ситуация для водного клинка была бы менее радужной. Однако его дядя — не Реган О'Лири: он не умел.) Пусть такое использование воды Лилит Бортэ и было «дьявольским», но не похвалить её мысленно он не мог. Хотя в целом — для восторга было не самое подходящее время: девушка продолжала своё наступление и своё водное «комбо». Не прошло и нескольких секунд после соприкосновения водного острия с металлической плитой, как девушка усилила магический поток в свой клинок — он стал не просто входить, казалось, он стал удлиняться, а девушка отдаляться, кроме того, от уже вошедшей части выросло несколько дополнительных «отростков», которые стали распространяться в разные стороны внутри плиты, создавая в ней туннели, подобные туннелям дождевых червей. Вместе с этим напором, она увеличила и скорость входа — она не шутила!

Первой (неудачной) мыслью Ганца Йохансона было резко сместить в сторону собственный металлический барьер, восстановление которого явно проигрывало повреждающей способности водного обмундирования Лилит Бортэ, и контратаковать. Но он быстро передумал: в отличие от его металлического «стиля», вода — оставалась водой как бы её не использовали, а значит, начни он смещать барьер, вполне вероятно, что девушка просто «сбросит» вошедшую часть клинка, после чего снова удлинит её и контр-контратакует даже раньше, чем это сделает он...

«Нет!»

«Не то!»

«Не так!»

Ганц Йохансон со скоростью калибры перебирал варианты один за другим, после чего пришёл к вполне очевидному выводу: «Нужно просто отступить — отлететь подальше назад!»

Учитывая, что времени у него не было (и так уж сколько медлил!), он стал моментально воплощать задуманное в реальность — резко двинул назад. Но не успел он даже толком отпрянуть, как заметил несущиеся на него водяные диски, которые до этого парили с трёх сторон от Лилит Бортэ.

«Когда?!»

Нет, они не просто приближались, скорее, хотели запереть его с трёх сторон, зажать без возможности побега, как ловчий аппарат Венериной мухоловки ловит и запирает свою добычу! «Финал», можно сказать, зависел от скорости: либо Ганц Йохансон успеет отлететь, не дав захлопнуть себя в трёхстенной камере — «пирамиде», дном которой являлась его собственная металлическая плита, либо не успеет и его заточат, однако он боялся не столько «заточения», сколько механизма работы этих водных дисков. Зная общие моменты использования Лилит Бортэ воды, и тем более прочувствовав на себе атакующий потенциал такого «использования» — сделать кое-какие выводы, причём однозначные выводы, он вполне смог.

«Нужно использовать огонь!»

Однако передумал — опасался! Металл — тем более! Одним словом — Ганц Йохансон опасался делать всё, что не давало ему гарантии быстро и надёжно отлететь от надвигающихся дисков! Да и далеко не факт, что ему удастся их испарить прежде, чем они до него доберутся: девушка может сконцентрироваться на их максимальном поддержании, вливая всё больше и больше кварков и синтезируя всё больше и больше воды!

«Нет!» — перебирал Ганц Йохансон.

Ему нужен был самый практичный — 99,9% вариант! Слишком уж непредсказуемыми и опасными были эти диски. Как ни посмотри, он был в максимально невыгодном положении, причём ещё и «неполноценный» и «слепой»: неизвестно что сейчас происходило в «тылу», а при таком раскладе, кто-то мог успеть атаковать его прямо из-за спины (к слову, опыт у него уже был), может, даже сама Лилит Бортэ, подготовившая дополнительные меры для нападения.

Ганцу Йохансону приходилось несладко. К этому моменту уже и три здоровенных челюсти прошли половину своего пути — вот-вот сомкнутся полностью. Ещё и водный клинок, казалось, секунда-другая и засияет своим кончиком прямо с обратной стороны металлической плиты — мгновение — там глядь — и тело продырявит!

«ЧЁРТ!» — по-настоящему ЗЛО выругался Ганц Йохансон. Он совершенно не собирался становиться жертвенным ягнёнком в угоду других — в угоду грёбаных мудаков. Выкинув лишние мысли, в том числе и о возможных травмах своему телу, он активировал две магии. Два незначительных потока — сейчас главное скорость! Один поток для создания худо-бедного ЗСН-эффекта, второй — для использования Магии Огня. Кислород и метан быстро синтезировались и так же быстро реагировали, нет, даже быстрее обычного, пусть невооружённым глазом это было и незаметно. Послышались несколько явных хлопков, которые были характерны скорее для неопытных школьников только-только взявшихся за изучение Магии Огня, а не для такого прожжённого волшебника как Ганц Йохансон. Только вот, в отличие от школьников, которым запрещали вливать во время обучения большое количество магической энергии, Ганц Йохансон осознанно этим пренебрегал.

Секунда, вспышка — прогремел взрыв!

Всё и все в эпицентре полетели вместе с взрывной волной. Ганц Йохансон, как и планировал, пулей вылетел из пасти этого захлопывающегося цветка, как пороховое ядро с корабельной пушки. Лишь во время полёта он полностью сконцентрировался на собственной защите, хотя собственные волосы частично обсмалились, а открытие части тела — получили ожоги.

Лилит Бортэ пострадала не так сильно, если вообще пострадала (разве что была оглушена). По сути, действия Ганца Йохансона затронули не столько её, сколько его самого. К моменту взрыва её тело было в отдалении, а металлическая плита Ганца Йохансона приняла на себя основной удар. Хотя в этом был скорее минус, чем плюс. Ведь она разлетелась на десяток крупных и мелких фрагментов, причём по большей части именно потому, что своими действиями чуть раньше девушка превратила цельный кусок металла в решето, которое стало хрупким во множестве мест. Так Лилит Бортэ и смотрела в глаза смерти, пусть и не задетая ударной волной: она чуть ли не покадрово видела, как толстая плита трещит по швам и разлетается на кусочки, некоторые из которых полетели прямо в неё. Летели быстро! Или... Большую часть она себе просто нафантазировала?! Потому что, наверное, даже раньше, чем плита успела разлететься на части, перед ней появился новый водный диск, такой же крупный и относительно толстый. Прежде чем в неё успело что-либо попасть и ранить или убить, послышались несколько приглушенных ударов — диск принял на себя летевшие осколки, — а сразу за ударами — звук подобный звуку скребущего песка в ступке. Мерзкий и противный. Металлические осколки торчали в водном диске, они врезались и немного вошли внутрь. Однако, если внимательно смотреть на них какое-то время, создавалось явное ощущение, что с каждой пройденной секундой они всё дальше и дальше проникали в водную гладь. Она засасывала и не отпускала их, а в какой-то момент, с обратной стороны водного диска вылетала невидимая глазу пыль и рассеивалась по ветру. По крайней мере, Лилит Бортэ ничего не видела, но механизм работы этой громадной «тёрки» знала очень хорошо, хотя на практике — похвастаться высоким мастерством она пока что не могла. Иной раз, собственно как и сейчас, у неё проскальзывала предательская мысль: «Просто невероятно!», — явно восхваляющая умения её обидчика, но как бы там ни было, оставаться трезвой умом она не переставала, как и предпринимать попытки избавиться от подчинения или подать сигнал своим людям. А её люди были не так просты: часть из них к этому моменту замыкала летящего и защищающегося от собственного пламени Ганца Йохансона в кольцо.

«Чёрт!» — не впервые выругался он. Он ожидал этого, но сделать приготовления против них у него практически не было ни сил, ни времени, в противном случае ему бы пришлось пострадать от собственной магии. Конечно, выбирая между двух зол, он пытался маневрировать и усидеть на двух стульях: и защититься и отбиться — но как бы не старался равномерно распределять доступные ресурсы, практически всё в эти долгие секунды уходило на противостояние волнам жаркого пламени.

Осторожные, но настроенные решительно, подчинённые Лилит Бортэ подступили ближе и были готовы атаковать. Однако!

Однако в этот момент случилось «диво дивное» и «чудо чудное» — неожиданно рядом с Ганцом Йохансоном возник свистящий звон, возрастающий и усиливающий. Так же неожиданно материализовался и виновник этого шума — кружащие металлические фрагменты. Фрагменты того самого жала, которые чуть ранее разлетелись в стороны. Но теперь весь этот лом преобразился в звенящее торнадо, увеличивающее свои обороты. Будто только и ждал, как бы поскорее появиться и окружить Ганца Йохансона, как рой ненасытных комаров учувявших

дыхание тёплой скотинки.

Мгновение и металлические фрагменты вырвались из общего вихря и атаковали подлетающих членов клана Бортэ. Пусть они и были осторожны, но «возникшая ниоткуда» атака смогла частично застать их врасплох и как минимум им пришлось замедлиться, а части — переключиться с нападения на Ганца Йохансона на собственную защиту. Действуя как «единный механизм» и объединяя потоки идентичной магии для усиления скорости и силы, отбиться от всего, казалось, было не так уж и трудно.

От произошедшего Ганц Йохансон не мог не испытать двоякое чувство: благодарность и ненависть! С одной стороны поддержка «правой руки» была очень своевременной — спасительной. С другой — она и была причиной всех его бед — всех проблем и опасностей!

Ганца Йохансона всё сильнее и сильнее переполняла злость: атаки, попытки его убить, жгучие ожоги и использование в качестве бойцовой собаки — всё это довело его до крайней точки! Он кипел! Кипел внешне! Кипел внутренне!

Превращая в загнанного зверя — его в конце концов сделали этим зверем! Если до этого он КАК-ТО ПРОЩЕ ОТНОСИЛСЯ К СВОЕЙ УЧАСТИ И ПРОИСХОДЯЩЕМУ, ТО СЕЙЧАС — НЕТ! Отчасти ему уже было всё равно, что изначально он даже ни в чём не виновен — что всё это сплошное «НЕДОПОНИМАНИЕ»! Отчасти выбирая между жизнью и смертью, он выбирал жизнь, пусть перспективы сохранить её и были как в тумане! Нет! Как бы там ни было, живой он точно сможет ВЕРНУТЬ ВСЕМ И ВСЁ — ВЕРНУТЬ СПОЛНА! Рано или поздно — НО СМОЖЕТ! Главное — НЕ ОПУСКАТЬ РУКИ!

«Я УБЬЮ ВСЕХ ВАС — РАНО ИЛИ ПОЗДНО — ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО ПРОИЗОЙТИ! Я «ПОДЫГРАЮ»! НО ПОТОМ — ПОТОМ Я ДОБЕРУСЬ И ДО ТЕБЯ! ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ — ДОБЕРУСЬ!»

Ганц Йохансон решил — больше он не станет терпеть такое отношение со стороны грёбанного клана. Клана, явно предпринимающего все попытки убить и избавиться от него! Нет! В этой безвыходной ситуации, где либо он, либо его, он выберет себя! Если бы он мог сдаться и сохранить жизнь — он бы так и сделал, но! Но сдаться ему не дадут! Не даст!

«Грёбанный подстрекатель!»

Ганц Йохансон был злым, таким злым он не был, даже когда вечность — неделю! — не ел сладкое. Магическая сила внутри него «кипела» — её было много, её было не остановить! ЕГО БЫЛО НЕ ОСТАНОВИТЬ!!

«Ненавижу огонь — ненавижу горелый смрад!»

Он активировал Магию Огня. «Тонны» метан и кислород взаимодействовали в общем потоке, воспламенялись «искорками», выделяли тепло и продукты — горели! — снова

воспламенялись... И пусть некоторые высокомерные личности называли этот слэм «кухонной магией», не стоит забывать — температура огненных потоков этого синтеза достигала свыше 2500 °С!

Первые огненные потоки последовали примеру металлических фрагментов и атаковали, нет, чуть ли не мгновенно окружили членов клана Бортэ, в ужасающем пламени! НИКАКАЯ ЗАЩИТА НЕ ПОМОЖЕТ! Подавляя и УНИЧТОЖАЯ, за долю секунды Ганц Йохансон превратился в доминирующего зверя — настоящего зверя! Поддавшись этой части своего «я», он прекрасно понимал, что проиграл — проиграл именно ему, а он, прекрасно зная, что Ганц Йохансон «проиграл»: вышел из себя и превратился в злую овчарку — лишь сильнее приспустил поводок! Послушная собака — собака, которую можно и НУЖНО баловать! Ганц Йохансон — очень послушный, смыслённый и умный пёс! Не кусается!; выполняет все команды!; схватывает на лету! — не кабель, а мечта! Не то что некоторые суки!

Шторм из металлических фрагментов окружал Ганца Йохансона, защищая тело и раздувая в стороны образующееся пламя. Те же осколки, которые чуть ранее вылетели и атаковали врагов, не успели даже достигнуть цели, как «проиграли» огню Ганца Йохансона, которое охватило всех людей поблизости, превратив их в пылающие точки. Теперь, став «отвязанным», он мгновенно распространил магическую энергию в радиусе от себя — у нападавших не было ни шанса: лишь единицы успели предпринять какие-то попытки, однако — тщетно. Подлетевшие убить исподтишка были убиты сами. Причём убиты не мгновенно: коптящиеся в пламени, некоторые пытались отлететь. Другие — вертелись, изворачивались и шипели как сало на сковороде. Третьи — хотели даже потушить себя: кто водой, кто песком, кто верой в подоспевшую госпожу. (Последнее оказалось самым неэффективным.) Пока «небесные огоньки», которые были названы так несколькими малышами в другой части города и которые показались им очень даже красивыми, удобряли землю своим прахом, Ганц Йохансон уже полетел обратно, в сторону оставшихся врагов во главе с Лилит Бортэ. Она к этому моменту практически полностью поглотила металлические фрагменты своим водным диском и кое-как стабилизировала организм после взрыва и ударной волны, частично оглушившей её.

Ганц Йохансон предстал перед ней. Его взгляд смотрел прямо на неё, а пламя, казалось, переливалось самыми разными формами и образами.

Ганц Йохансон оценил водный диск, который перемолол синтезированный им металл.

«Неплохо», — быстро подытожил он.

«Такая» вода была идеальным оружием против большинства твёрдых объектов. Он и раньше это понимал, но видеть в живую, как именно это происходит, — совершенно другое. Сколько же нужно было контроля, именно контроля(!), чтобы добиться таких невероятных эффекта и результата. Он сразу понял, что опасными были не только бурообразные пики, но и водные диски. Будь он более небрежным человеком, мог бы и пострадать или даже умереть. Как он и предполагал, диски — не просто водная защита, они запросто могли перемолоть попавшие в них предметы, в том числе и человеческое тело. Причём если перемолоть не до атомов или отдельных молекул (хотя кто знал?), то, как минимум, до чего подобного. Одним словом, самая настоящая «молекулярная дробилка», только и желающая полностью поглотить твоё тело, оставив на выходе лишь невидимое «ничего». Хотя, вероятно, будь они на земле, какие-то

следы остались бы.

Быстренько проанализировав диски, Ганц Йохансон вернулся к главному — к Лилит Бортэ и стоявшим полукругом от неё оставшимся членам клана. К последним принадлежали либо изначально пришедшие с ней подчинённые, либо те, кто были поблизости и первыми добрались сюда. Другие — были ещё в пути: времени прошло немного. Да и кроме них, всё происходящее привлекло внимание и десятка других глаз. Не обошлось и без Регана О'Лири, который к этому моменту был уже поблизости и был уверен, что в этот раз точно не даст уйти «шоколадному медвежонку». Но он не вмешивался (пока что не вмешивался), даже несмотря на незначительные потери клана Бортэ. Почему? Они бы этого не оценили, точно так же, как и он бы не оценил, поступи они схожим образом, доберись он до Ганца Йохансона первым: помощь — помощью, но они же не дикие звери отбирать чужую «добычу». Правда, это не мешало ему наблюдать и выжидать, как тигру в засаде, когда госпожа клана Бортэ даст слабинку, чтобы сначала «протянуть руку помощи», а затем и увести раненого барашка. Хотя, вероятно, он просто утешал и обманывал себя, ведь как ни крути, девушка точно должна была продержаться до прибытия основных сил своего клана, но... кто знал? В любом случае, как бы не развивались события, — путь Ганцу Йохансону был заказан!

Лилит Бортэ, в свою очередь, посмотрев на смотрящего сверху вниз Ганца Йохансона, почувствовала сильный дискомфорт. Она всё ещё верила, что перед ней «ненастоящий» Ганц Йохансон, или хотела верить, однако события секундной давности породили в ней первые сомнения: происходящее нравились ей всё меньше и меньше. И в этот момент:

Шух!

Не дожидаясь приглашения и лишних слов, Ганц Йохансон направил огненное море, а вместе с ним и колоссальную волну жара, прямо на парящих девушку и людей за ней — нет смысла убегать! Всё, чем Лилит Бортэ была вооружена в этот злосчастный момент — только лишь водный диск. Пламя приближалось — она оцепеневши стояла! Её люди делали какие-то телодвижения — она стояла! Горячий «ветерок» достиг её лица — стояла!

В её голове всплыли те самые слова о «участи и смерти» — она не верила, что её так просто отправят в топку! Не хотела верить!

Пока пламя ослепляло глаза, пока её люди бессмысленно истощали остатки магии, пока Реган О'Лири отсчитывал секунды, чтобы «героически» вмешаться — пока происходило это всё! — Лилит Бортэ внезапно почувствовала резкую боль — блаженную боль! — её рука дёрнулась и хрустнула, как спина сутулого писателя, — мгновение! — она выпустила мощную волну магической энергии, которая тут же прошла путь активации, образуя окутанную молочно-серым туманом жидкость! Жидкость тут же встретила надвигающиеся волны огня, как аэрозоль воспалённое горло! Пламя и жидкий азот (N₂) столкнулись. Последний начал брать вверх! Ганц Йохансон усилил напор! Приходилось туго — он справлялся! Превозмогал! Лилит Бортэ — то же самое!

Двое быстро потеряли друг друга из виду. Впереди была лишь бушующая картина противостояния «противоположных» слэмов: яркое-пылающее с одной, серое-дымящее с другой — зрелище способное вызвать как восторг, так и страх. Виновники же этого зрелища прокручивали в своих головах дальнейший план действий. Однако уверенности в будущих событиях не было ни у первого, ни у второго. При этом оба приняли твёрдое решение как можно быстрее сразить своего противника. Особенно это касалось Ганца Йохансона, который всё также находился в более проигрышном положении: в отличие от Лилит Бортэ к нему никто на помощь не спешил. В общем, нужно было искать решение — практичное решение! — продолжаться так больше не могло! Но несмотря на это понимание, переходить определённую черту — количество разрушений или тем более смертей, — Ганц Йохансон не желал и не собирался. Иначе он бы полностью отказался от всего гуманного, что в нём осталось, а ещё, что даже хуже, уподобился бы «ему». Поэтому в попытках найти «золотую середину» ему приходилось интенсивно шевелить извилинами, правда, чего-то дельного пока что не приходило, и где-то внутри он боялся, что так и не придёт, тогда ему придётся сделать неприятный выбор...

Пока Ганц Йохансон мучился в поисках компромисса, Лилит Бортэ, наоборот, уверенно принимала решения и воплощала их в жизнь. В общем, чувствовала себя на порядок лучше, пусть и в целом дозволено ей было куда меньше. Ей нужно было сдерживать Ганца Йохансона — она сдерживала! Ей нужно было продержаться до прихода подкрепления — она держалась! Ей нужно было сопротивляться от подчинения — она сопротивлялась!

С ней было очень непросто, как с непослушным ребёнком, принципиально делающим всё не так и всё не то. Ганц Йохансон был уверен, что ему с ней сложно, но он не знал, каково было с ней другим, точнее «другому». Можно было даже сказать, что ему сильно повезло, что по факту его противником была не она, что всё происходящее — не более чем правдоподобная фикция. В противном случае ему бы давно пришлось предпринимать попытки вырваться из тисков, как крысе из капкана, и давно бы пришлось сделать выбор: поставить всё на свою жизнь и подвергнуть риску непричастных или смириться и кануть в небытие. Встретятся они с Лилит Бортэ на равных, без лишних «рук» и дополнительного контроля, несомненно, всё было бы по-другому, всё развивалось бы по-другому и далеко не факт, что «по-другому» — значит лучше, ведь она могла и отказаться принимать его поражение и продолжить атаковать. Нет. Ганц Йохансон просто не мог представить насколько «по-настоящему высшая сила» стояла за всем, контролировала всё, выверяла каждую мелочь, учитывала детали — не давала происходящему превратиться в хаос. Не мог представить, насколько сосредоточенно она поддерживала стабильность, не давала сместиться равновесию — той самой «золотой середине», о поддержании которой в таком состоянии он мог только грезить. Вероятно, одно лишь это понимание, приди оно к нему прямо сейчас, заставило бы задуматься о столь многом, что он бы либо невольно опустил руки, либо загорелся ещё сильнее.

В целом, преувеличением это не было: совладать со скверным поведением Лилит Бортэ, с её внутренним бунтарством было не просто. И это при том, что давать много вольности ей никто не собирался, а ей самой нужно было сконцентрироваться на противостоянии и защите от пламени. Однако, то ли от своего фанатичного желания подчиняться исключительно

господину — своему клану, то ли от уверенности в расчётах, то ли ещё от каких-то тараканов в голове, она без лишних раздумий пренебрегала сражением с Ганцом Йохансоном и стала жертвовать имеющейся силой в пользу внутреннего противостояния, желая избавиться от контроля и подвергая себя и других всё большему и большему риску. И пусть всё можно было списать на уверенность в помощи от наблюдавших Мировых Волшебников или скорого подкрепления, но что-то в её действиях, в её отношении несло тень пустого безумия. Тень, в которой не было даже намёка на компромисс — альтернативные варианты, сторонние мнения. Казалось, если понадобится, если так скажет клан или это будет в поле его интересов — разумных или нет — она без сомнений и с полной отдачей устроит массовое истребление или разрушение, независимо от того: кто?; что?; почему? В этом смысле Ганц Йохансон обладал куда большим самосознанием. И пусть он был готов жертвовать другими, пусть его призма «чёрного и белого» имела множество огрех и субъективных условностей — оценивая ту или иную ситуацию он в первую очередь опирался на здравый смысл и какую-никакую нравственность: решение, даже если ему подсовывали уже «готовое», он всё равно принимал сам. Иной раз оно могло иметь благоприятный результат, иной — нет. Но вот была ли Лилит Бортэ способна на такое — вопрос оставался открытым. Конечно, с одной стороны могло показаться, что Ганц Йохансон настолько самовольный, наглый и никому не подчиняющийся человек, что позволяет себе играть роль «мирового судьи», решающего кем пренебречь и кем пожертвовать — кому жить, а кому умереть! Но с другой — страшно было представить, что могла сотворить Лилит Бортэ выполняя указания других или подчиняясь уже устоявшимся принципам.

И вот, зная эти особенности двух совершенно разных людей, было занятно наблюдать их «конечный выбор»: Ганц Йохансон, который «сам себе голова», в конце концов принял свою участь и стал послушно «выполнять команды», пусть и не без раздражения, а Лилит Бортэ, которая по своей природе должна была быть более податливой к подчинению человеком, стала вырываться не успев получить и толику свободы. Конечно, всё это «гложило» разум лишь одного человека, да и никто больше не знал обо всём этом. Этот частный и во всех смыслах условный пример можно было интерпретировать по-разному, но был ли в этом смысл?

Глава 206. Не стоит думать, что всё так просто (часть 2)

Этот частный и во всех смыслах условный пример можно было интерпретировать по-разному, но был ли в этом смысл?

Смысл, несомненно, был, но только для тех, кого Ганц Йохансон и Лилит Бортэ интересовали как конкретные личности, в остальном же — искать глубинный смысл в их действиях было также бессмысленно (в чём-то даже глупо), как искать глубинный смысл в действиях бабушки Фроси, ежедневно — и в зной, и в жару — ухаживающей за своим увядающим цветником, таким же увядающим, как и она сама. Возможно, вся проблема в том, что не желая видеть в тех или иных поступках и действиях лежащий на поверхности смысл — его простоту — многим людям проще придать ему ту или иную неоднозначность — «глубинность». А иной раз, что, вероятно, даже хуже, таинственный окрас или противоестественную природу. Другой вопрос, в чём

причина этого нежелания? Бурная фантазия? Острый ум? Многолетний опыт? Или же — страх? Страх перед простотой, очевидный смысл которой в тех или иных ситуациях самый неприятный?

Ганц Йохансон не знал ответ на этот вопрос, точнее, как хозяин собственного сознания, он в принципе не думал о нём. Ему было не до этого — сейчас его волновало сражение.

Фиу.

Тихий свист отвлек Ганца Йохансона от его мучительного поиска «правильного решения». Свист, который смог заметить только он. И то, только потому, что был непосредственно рядом с причиной его появления: кружащее вокруг него «торнадо» неожиданно рассеялось! Все металлические фрагменты на колоссальной скорости полетели вперёд и утонули в жарком пламени. Всё произошло так быстро, что Ганц Йохансон даже не успел упрекнуть себя в бессмысленных мысленных страданиях и поисках «ответов». Искать решение? Как глупо это делать, когда все решения уже давно были приняты! Когда всем изначально руководили! Направляли!

Ни жаркое пламя, ни леденящая жидкость — они даже не успели нагреть или охладить пролетающий сквозь них металл! Ни магические барьеры, ни рассеянные кварки — люди клана Бортэ даже не успели среагировать и защититься! Понять, что происходит! Молниеносная скорость осталась в недостижимости их ветхого сознания! Она осталась недостижимой даже для наблюдающих со стороны волшебников. Что уж говорить, если сам Реган О'Лири спохватился только когда столь наглая прямолинейная атака достигла цели — оставшиеся члены клана Бортэ замертво устремились вниз!

Его глаза сузились — он встрял в сражение! Лилит Бортэ в этот момент даже ничего не поняла — её охватила резкая боль. В нескольких местах просочилась кровь! Но как бы странно это ни было, раны не были фатальными. От фатальности их отдаляла тонкая грань — тонкие сантиметры! Казалось, списывать девушку со счетов никто не собирался! (Или не решался?!) (Или не хотел?!)

Столь неожиданные ранения и последовавшая боль нарушили баланс девушки — пошатнули её контроль, её концентрацию! Но стоило отдать должное, она постаралась быстро взять себя в руки. Однако, даже несмотря на это, такая умелая подлость смогла быстро сдвинуть имеющееся равновесие — сдвинуть не в её сторону! Вероятно, Ганц Йохансон в принципе был одним из немногих, кто мог уловить и воспользоваться столь туманным преимуществом в свою пользу: для этого нужно было что-то большее, чем просто механические умения, учитывая тот факт, что Лилит Бортэ была противником, умеющим быстро приспосабливаться и игнорировать боль. Конечно, в целом, в отличие от неё Ганцу Йохансону уж слишком сильным в этом сражении сопутствовала удача («удача» — имей она материальное воплощение). Однако это нисколько не приносило ему собственных способностей.

За считанные секунды пламя взяло вверх, будто с него сняли все ограничители. Оно выстрелило вперёд, поглощая и испаряя азот — оставляя и сдувая тонны серого газа! Поначалу девушка пыталась свести это испарение к минимуму, а газ местами даже

использовала для поддержки — контроль и концентрация тащили, но не сейчас! «Незначительное» преимущество Ганца Йохансона превратилось в безоговорочное превосходство. Его пламя ПО-НАСТОЯЩЕМУ заполонило небосвод, освещая чуть ли не треть Батора. Но прежде, чем оно успело полностью поглотить девушку — сразить её! — как раз и вмешался Реган О'Лири! Нет. Действовать он начал даже раньше, практически сразу как Лилит Бортэ была ранена. Лицо у него при этом было задумчивое: он был уверен, что сможет пресечь любую опасную ситуацию и уж тем более не сможет не заметить ни одной хитрой атаки, но его обошли, причём довольно открыто. То, что госпожа клана отделалась «лёгким ушибом» на фоне остальных, определённо было удачным развитием событий: накалять отношения ещё и с кланом Бортэ желания у него не было. В противном случае, всё бы выглядело как «дал умереть, наблюдая со стороны» — так бы они и решили даже не скажи об этом прямо.

«Вмещаешься — нехорошо, не вмещаешься — тоже плохо», — Реган О'Лири сочувствовал тяжести своего положения. Хотя в перспективе, вариант с невмешательством был для него куда хуже: портить отношения с кланом Бортэ, особенно в такое беспокойное время, не стоит. А за годы своего «правления» и работы в целом, он пришёл к выводу, что сотрудничать или на крайний случай поддерживать нейтралитет куда полезнее, даже с конкурентами (хотя в глобальном смысле конкуренты конкурентам были рознью даже для него). В общем, правильнее сказать, что он предпочитал обходить конфликты стороной, а если не обходить — пресекать на корню. С другой стороны, если его спросят, думал ли он когда-нибудь о полном подчинении и устранении всех «неугодных», он солжёт, если скажет, что нет. (Часть его — сознательная часть — отгоняла эти «нехорошие» мысли.) Более того, были и те, кто до сих пор считали, что он «только и ждёт момента!», «только и накапливает силы!». Однако такое отношение некоторых фракций и отдельных личностей его слегка смущало, пусть он и понимал причины подобного поведения. А если замечал схожее от кого-то действительно близкого, мог даже принять к сердцу (но не настолько, чтобы задело разум или тем более последовала видимая реакция). На самом деле такой страх к собственной личности отчасти и имел плюсы — людей, которые могли бы необдуманно нарушить его ментальное спокойствие, было немного: им приходилось не один раз взвесить все «за» и все «против», прежде чем решиться на какие-то действия. А как показывала практика, решались либо безумцы, либо переоценивающие свои силы личности. Оставалось гадать, кем из них был Ганц Йохансон.

Шух!

Реган О'Лири сначала загородил Лилит Бортэ от огня, а затем вытолкнул её назад, подальше от зоны поражения. И пусть фактически он был самым заинтересованным лицом в её спасении: и добычу увёл, и клану услугу сделал — искренность в его действиях тоже была: он знал Лилит Бортэ с детства и считал её прекрасным волшебником. Ну а то, что погибли люди (члены клана), его совершенно не волновало: это вина не столько его, сколько самого клана и его политики. Людей много — переживаний на всех не хватит. Когда-то ему казалось, что такое мышление совершенно не льстит должностному лицу вроде него, однако со временем, наоборот, он убедился в обратном: оно не просто льстит, оно является самым верным — самым честным! Человек — всего лишь цифра в переписи населения! В подсчёте смертности! Рождаемости! В численности армии! Подразделений! Видеть что-то большее — обманывать себя! Или, что даже хуже, пытаться обмануть окружающих!

Вытолкнув Лилит Бортэ своей магией и убедившись, что ей ничего не угрожает, Реган О'Лири

почувствовал неожиданный прилив энергии и хорошего настроения. Почувствовал, даже несмотря на свою запоздалую реакцию и, как следствие, ранения девушки. Причина была ясна как день: наконец-то он мог со всем покончить — покончить с Ганцом Йохансоном! — и вернуться к «спокойной» жизни: яблоки сами себя не полиют, тигры — не покормят!

Не обращая внимания на Лилит Бортэ, которая продолжала отлетать по инерции, Реган О'Лири переключился на Ганца Йохансона. Он был уверен, что тот лукавил — не выкладывался на полную в сражении с девушкой. Поэтому предпочёл вести себя достаточно предусмотрительно, хотя в целом — заморачивался не сильно. К этому моменту он практически полностью убедился в виновности Ганца Йохансона: имеющиеся свидетельства говорили сами за себя, а непосредственные действия самого директора (ныне бывшего) — так вообще! Хотя были и отголоски сомнений: внезапное сражение, которое разыгралось в вечернем небе, заставило его чуть сильнее напрячь извилины: слишком уж много событий для одного дня. С одной стороны это лишь доказывало виновность Ганца Йохансона, демонстрируя серьёзность его намерений и уверенность в его действиях: нет ничего странного в агрессивном поведении человека, которого раскрыли. С другой — слишком много людей встало на уши, даже сам (лично!) Реган О'Лири подключился к делу — Ганцу Йохансону стоило бы залечь на дно и не издавать ни звука, какие бы грандиозные схемы он ни придумал. И поначалу Реган О'Лири так и предположил: скорее всего Ганц Йохансон планировал залечь на дно, но каким-то волшебным образом госпожа клана Бортэ нашла его раньше — однако такой вариант развития событий вызвал ещё больше вопросов. Как вообще она смогла его найти? Ещё и за столь короткий промежуток времени? Нет. Он ни в коей мере не сомневался в способностях девушки, но свои способности он оценивал куда выше. Но найти Ганца Йохансона не смог, даже подключив достаточно ресурсов. Он был уверен, что не сможет этого сделать как минимум в ближайшее время, а тут на тебе — разыскиваемый парит живой и здоровый, ещё и весь город на уши поставил (не в первый раз на минуточку!). Регану О'Лири стоило бы радоваться, а не искать подводные камни: как ни крути, с назойливым нарушителем спокойствия сегодня должно было быть покончено — покончено раз и навсегда! И он радовался. Радовался как и любой человек в его возрасте и с его опытом — безэмоционально и безразлично, но... Но что-то в потоке его мыслей всё же не давало покоя. Возможно, это «что-то» было вызвано чрезмерной мнительностью, возможно, оно было вызвано нешуточными подозрениями причастности Ганца Йохансона к делу с пропажей трупов (а для Регана О'Лири это дело было той ещё головной болью, пусть об этом знали и не многие). Дело «трупов» заставляло его негодовать особенно сильно: это был тот редкий случай, когда он потерял контроль над ситуацией с самого начала. Да и с Ганцом Йохансоном ситуация обстояла точно так же: вовремя не уследил — вовремя не пресёк. Конечно, всё можно было списать на банальное, но вполне жизненное «и на старуху бывает проруха», однако когда Реган О'Лири начинал анализировать ошибки, слишком уж много он видел этой «прорухи»... Этот факт его сильно удручал. Один раз он уже упустил Ганца Йохансона. В другой раз не был готов к проблеме с трупами. Подверг из-за этого опасности Мишель Лири, которая, наперевес с удачей, успешно с ними разобралась. Жертвы и хаос в городе тоже были отчасти на его руках и руках его непосредственных подчинённых, которые так или иначе позволили случившемуся произойти. Не то, чтобы это всё слишком сильно на него давило или не давало спать по ночам, нет, но обдумывать приходилось часто. Иной раз эффект от такого осмысления своих неудач давал и плюсы — окатывал его неудержимым азартом и помогал в продвижении. Но азарт — не самая благодарная вещь, иной раз приходилось и рисковать; жертвовать... И что-то, а на риски Реган О'Лири шёл охотно, даже с некоторым наслаждением. Возможно, эта черта характера обличала его не с лучшей стороны, но и казаться «хорошим» человеком он никогда не стремился: отдававшие ему почести отдавали их и так.

Реган О'Лири чувствовал азарт и сейчас, когда стал полноправным участником боя, сместив Лилит Бортэ на вторые роли. И, наверное, сейчас он не хотел ничего также сильно, как устроить Ганцу Йохансону хорошую трёпку.

Глава 207. Реган О'Лири

Устроить хорошую трёпку? Или всё же нет? Ведь в случае Регана О'Лири, такие слова были не совсем корректными: до хорошей трёпки могло и не дойти. Так, пара бездумных движений — не более. (Если только Реган О'Лири не переоценивал свои способности. Он ведь их не переоценивал?)

Ганц Йохансон в этот момент глупо парил: чуть ранее его магия взяла вверх и вот-вот должна была поглотить Лилит Бортэ. Конечно, он прекрасно понимал, что ему вряд ли дадут успешно покончить с ней. Понимал, что могут вмешаться, что могут помочь — сторонних наблюдателей определённо хватало. И ей помогли! Этого он опасался больше всего: чем больше затягивалось сражение и чем больше людей вставало против него, тем и вероятность уйти отсюда живым уменьшалась.

Однако внезапное:

ШУХ!

— было по-настоящему мощным и быстрым! Чья-то магия смогла не просто помочь девушке, но и противостоять надвигающемуся пламени, уменьшая его скорость и сводя атаку на нет. Контроль и концентрация Ганца Йохансона просто не справлялись с подобным напором, хотя были на достаточно высоком уровне! Просто ужасно! Странно!

Как следствие, Лилит Бортэ была спасена, а его огонь, напористо летевший вперёд, будто встретил встречный шквал и остановил своё продвижение. Благо, Ганцу Йохансону повезло уже с тем, что его магия в принципе не была сдута в обратном направлении — в его сторону! Что ему кое-как удалось противостоять этой встречной атаке! Что его магические контроль и концентрация выдержали!

«Это...» — в его голову закрались сомнения. Вслед за ними всплыли и кое-какие догадки, причём неприятные! Его разум тут же посетила резкая боль — остановить такой уверенный напор «одним взмахом руки» мог далеко не каждый! Нет! Лишь единицы! Но даже не видя своего противника, в этот момент Ганц Йохансон полностью осознал кто именно им был!

«Реган О'Лири...» — это имя всплыло в его голове как само собой разумеющееся. Ганц

Йохансон невольно напрягся — сильно напрягся! Он никогда не сталкивался и даже не видел Регана О'Лири в действии. (Видел ли его вообще кто-то?) Неужто сегодня для Ганца Йохансона произойдёт «явление царя народу», причём явление, которое он бы пожелал избежать всеми возможными способами?!

Несомненно, кое-какое представление о Регане О'Лири и его способностях Ганц Йохансон имел, но если говорить глобально, то это представление было слишком неинформативным. Начиная искать те или иные данные об этом человеке, практически все сталкивались в прямом смысле — с ничем! Узнать более детальную или личную информацию, кроме общеизвестной, было также трудно, как слепому и безрукому найти иглу в стоге сена! Если вообще возможно! (Разве что кто-то в этот момент держал свечу?) Хотя факт оставался фактом: ничего невозможного в этом мире нет. Поэтому правильнее сказать: Ганц Йохансон просто не обладал достаточными навыками, чтобы досконально изучить Регана О'Лири как человека — вот и всё.

Неизвестность пугала. Пугала даже Ганца Йохансона! Но хуже всего было то, что мысленные проблемы на этом не заканчивались, ведь что-то он всё-таки о нём знал! И эти «знания» просто кричали: «Нужно срочно что-то делать!!» — но что именно — вопрос без ответа.

Ганц Йохансон не был уверен, что даже в лучшей своей форме при прямом противостоянии смог бы уверенно сразиться с Реганом О'Лири, а сейчас — тем более! Ни разу не сталкиваясь с ним раньше, он почему-то всё равно опасался этого человека! Недооценивал себя! Причислял способности! И понять Ганца Йохансона можно было: наверное, не было такого волшебника, который был бы полностью уверен в своих силах, зная, что против него Реган О'Лири. Слишком уж сильно последний окутал себя мраком таинственности. Скрытой угрозы. С вишенкой на торте в виде репутации человека, который всегда «смеётся последним».

«Как действовать?!»

«Что делать?!»

Волей-неволей эти и схожие вопросы посетили бы сознание любого волшебника, оказавшегося лицом к лицу с Реганом О'Лири, а не только Ганца Йохансона, успевшего за эти считанные секунды «посесть на пару прядей».

Однако собственное незнание, собственная неуверенность, да и ограниченность в магии не давали Ганцу Йохансону прийти хоть к какому-то решению! Перед Лилит Бортэ он чувствовал себя куда собраннее и солиднее.

Ганц Йохансон был в такой «пропасти», что даже не знал, как правильнее поступить с собственным уже синтезированным пламенем, которое к этому моменту чуть ли не полностью остановило своё продвижение.

«Зачем я вообще продолжаю атаковать?! — он задался вполне разумным вопросом. — Лилит Бортэ спасена — атаковать некого! Что я вообще делаю?!»

Неужели появление Регана О'Лири ввело его разум в смуту? Не давало принять хоть какое-то решение? Всего лишь появление?.. Ганц Йохансон не хотел и думать о таком! Он предпочитал верить, что его пыл нисколечко не угас! Однако... — лишь самообман, потому что его действия совершенно не соответствовали этой «вере»!

Стараясь успокоиться, он перебирал варианты. Первое логичное решение, которое пришло ему в голову (а может интуитивное), — это развести своё пылающее море. Мгновением позже волны пламени разошлось в стороны: влево, вправо — образовав пустое широкое пространство впереди. Пространство, видимость через которое более ничем не ограниченное: ни пламенем, ни белым «дымом», сдутым в стороны и вверх. Ничем! Но вместе с этой пустотой для Ганца Йохансона пришло и полное разочарование: вдалеке, где до этого парила Лилит Бортэ, может чуть дальше, была фигура. Фигура, чей спокойный и холодный вид лишили Ганца Йохансона последних надежд. Фигура Регана О'Лири — последнего человека, которого он хотел бы сейчас видеть.

Весь вид — весь образ! — этого, казалось, добродушного бакалейщика, ненадолго отошедшего от своей маленькой лавки, чтобы развеяться, — пугал Ганца Йохансона как не пугало ничто в этой жизни! Слишком много было в этом образе! Образе, который от простого «смертного» отличало разве что маленькое украшательство близ воротника — даже в наряде не было ничего выделяющегося! Обычный во всех смыслах человек, который при любых других обстоятельствах и вправду мог стать незначительным бакалейщиком на каком-нибудь проходном рынке. Которого вместо сотни и тысячи живущих ныне людей проклинала бы всего тройка-другая, которым он умудрился подсунуть чёрствый хлеб.

Но обычным человеком он не был.

Поэтому неудивительно, что Ганц Йохансон испытывал такой шквал эмоций. Неудивительно даже то, что ничего подобного он не испытывал даже в тот день в школе, когда увидел в действии не менее «ужасное существование» (может, даже более ужасное): вот что значит неизвестный «ноунейм» — прохожий — против человека, чей авторитет, чьё могущество и статус долгими годами въедалось в твой разум. Чей образ — образ чего-то ужасного — идеально отпечатался в сознании. Настолько, что даже не являясь трусливым человеком, страх всё равно появлялся — появлялся невольно. Сам собой. Особенно в ситуации, подобной ситуации Ганца Йохансона. И только сейчас Ганц Йохансон осознал, что всё что было до этого — было лишь детским лепетом! Что в по-настоящему незавидное положение он попал только сейчас! Он чувствовал на себе всё: оценивающий взгляд, убийственное давление и нескрываемое презрение! Правда, эта «искра, буря, безумие» — этот обмен взглядом продлился на порядок быстрее, чем подобное было с Лилит Бортэ. Но этого было достаточно! Достаточно чтобы получить куда большее эмоциональное напряжение!

И вот — мгновение! — Реган О'Лири атаковал...

Ганц Йохансон? Нет! Это было выше его понимания...

Что вы знаете о воздухе? Что вы знаете о ветре?

Может быть для начала то, что воздух состоит из газов? Азот? Кислород? Водород? Углекислый газ и ещё что-то??

А ещё, может быть, вы знаете, что при нагревании пространство занимаемое газами увеличивается, то есть при нагревании эти самые молекулы в воздухе (азот, кислород и другие) отдаляются друг от друга, а раз отдаляются, то и часть воздуха, где это происходит, становится более «лёгкой»? Не так ли?

Вы умные.

А если мыслить от обратного? Очевидно, вы догадались, что в противном случае, если воздух охлаждается, то и молекулы газов будут сближаться между собой, то есть воздух, можно сказать, будет становиться более плотным, а раз плотным, то и более «тяжёлым», логично, не так ли?

Кто бы мог подумать, что вы не просто умные, но ещё и такие догадливые.

Само собой вы знаете и то, что чем выше плотность, тем выше и давление воздуха. И не удивительно, то ли на вас давит сто условных молекул в вашей комнатухе, то ли сразу тысяча — разница есть!

И вот, прекрасно разбираясь в этом всём, вы, должно быть, имеете представление и о том, какой вывод можно сделать: более холодные, а значит и более увесистые части воздушных масс, способны своей «тяжестью» надавить, и что самое главное выдавить «лёгкие» части, которые более тёплые. Обычно об этом говорят так: «Воздух перемещается из зон с более высоким давлением в зоны с пониженным давлением». Например, находясь ясным днём на берегу, вы почувствуете приятный (а может и пронизывающий) ветерок — бриз, который возникает в следствие перемещения воздушных масс со стороны моря в сторону где стоите вы. И всё потому, что в дневное время суша прогревается быстрее морской глади, а значит и находящийся над ней воздух прогревается быстрее и становится более тёплым. Это, между прочим, сильно не нравится холодной части! Она, видите ли, находится над морем и мёрзнет! «Так не пойдёт!» — думает она, после чего берёт и нагло направляется в сторону берега, выталкивая куда подальше ни в чём неповинный тёплый воздух. Но не переживайте, последний поднимается вверх, остывает и потом «мстит» холодному, который к этому моменту успевает прогреться и теперь сам нагло выталкивает его!

Такое перемещение воздушных масс — такой поток воздуха из зон повышенного давления в зоны пониженного — и является причиной появления того, что называют ветром.

Но вы это и так знали, не правда ли? Но вот то, чего вы, скорее всего, не знали и, вероятно, даже не задумывались: как использовать эти знания в свою пользу, если вы волшебник? Не стоит расстраиваться, будучи подростком, юношей и уже немолодым мужчиной, даже Реган О'Лири не задавался этим вопросом. В те времена он был таким же как и многие: выучился в школе, где овладел рядом стандартных слэмов, поступил в университет, где познакомился с новой магией и где быстро связал себя с военной деятельностью. Старался и преуспевал. Чувствовал себя уверенно. Но...

Но в более старшем возрасте, давно покинув стены учебного заведения, повстречав множество личностей и по-настоящему могущественных волшебников, он осознал «плачевность» своего положения: его магия слишком далека чтобы называться «МАГИЕЙ!»; его способности слишком посредственны, чтобы называться «СПОСОБНОСТЯМИ!» В тот момент для Регана О'Лири наступил во всех смыслах переломный момент: ему казалось, что он либо успешно преодолеет свой кризис, либо этот кризис поглотит его с головой... Поглотит, лишив стремлений, смысла и мотивации. И выйти из положения, из этой ментальной пропасти, было во всех отношениях нелегко: к тому моменту его развитие более-менее достигло своего «логического завершения». Оставалось накапливать опыт, оттачивать навыки, и шлифовать магический контроль — в общем, основные моменты, но ему казалось, что их будет мало — их будет не хватать, сколько не старайся! (Отчасти, он был НЕ прав.) Имея кое-какие ресурсы и связи, он первым делом стал интересоваться новыми слэмами. Однако чего-то подходящего для себя не нашёл. Да и «перечёркивать» прекрасное владение уже имеющимися, забывая голову тонной новой информации, не сильно желал. Скорее, наоборот, он хотел углубиться и улучшить уже знакомое волшебство! Он будто помешался!

Сам Реган О'Лири негативно относился к фанатичным людям, но сейчас, оглядываясь назад, он понимал, что в тот период своей жизни он был одним их самых помешанных на своей идее человеком. (Остатки этой помешанности сохранились в нём и по сей день.) Однако ключевым во всей этой истории являлось лишь одно слово — «человек». Он был именно им! И являясь им, Реган О'Лири был способен на такое, во что и сам бы никогда не поверил!

С тех пор прошло очень много времени. Оглядываясь назад, он и сам точно не знал, было ли это результатом долгих раздумий, спонтанной идеей или чьим-то «дьявольским» нащёптыванием, которое отложилось у него в голове, но факт оставался фактом, он нашёл решение: не можешь изменить себя, измени внешние условия! Вероятно, это и стало началом его экспериментов — долгих и упорных экспериментов. Экспериментов, благодаря которым он и добился своего невероятного роста как волшебник!

Звания?! Титулы?! Это не более, чем слова! Способности не имеют к ним никакого отношения! Регану О'Лири не нужны были слова, ему нужны были способности! И он сделал всё, чтобы выгрызть их! Политическая карьера — лишь одна сторона его личности, другая, даже большая, — волшебная! Исследовательская! С тех самых дней вплоть до нынешнего момента он не прекращал свои исследования! Свои тренировки! Даже сейчас, находясь здесь, он поддерживал благоприятные условия в окрестностях своего дома: деревьям должны расти в комфорте, тигры — тоже! Реган О'Лири совмещал полезное с полезным и так было всегда!

Если же говорить о его слэмах, то в некотором смысле они перестали быть его «волшебством», особенно во время битв, они будто превратились в специализированный инструмент. Инструмент, с помощью которого он и творил «МАГИЮ»!

ВУУУУУУУ...

Ганц Йохансон опешил! Казалось, безветренная погода, мгновенно породила шторм. Шторм, сдувающий его пламя! Шторм, сдувающий его самого, как крохотную песчинку. Он еле-еле защитился от собственного пламени, перенаправив его в стороны. Оно успешно улетело назад и рассеялось в воздухе — Ганц Йохансон полностью отказался от мысли использовать и контролировать его! Противостоять такому «природному катаклизму» — чушь! Его контроль и концентрация просто не справлялись! Он даже осознал, что не раздвинь своё пламя в стороны чуть раньше, сейчас бы ему пришлось ещё труднее!

Чтобы не быть сдутым самому он полностью сконцентрировался на металлических браслетах, поддерживающих его в воздухе. Полностью сконцентрировался на дыхании за счёт синтеза кислорода — какие-то секунды, а дышать было невозможно!

Вух...

Резкий порыв также резко утих. Наступило секундное затишье, но не успел Ганц Йохансон даже восстановить равновесие, как появился очередной внезапный «ветерок»! Очередной шторм, надвигающийся на него с самого неба и всей своей мощью сдувая вниз, к самой земле! Используя всё возможное, Ганц Йохансон хоть как-то пытался сопротивляться, однако направленный поток был слишком сильным! Бывший директор будто попал в гигантскую воздушную трубу, с неизвестным диаметром и без внешних стен. Ощущения были невероятно ужасны!

Секунда-другая — окровавленный Ганц Йохансон был прибит к земле, лишь кое-как умудрившись не умереть от столкновения. Он **СОВЕРШЕННО НЕ ПОНИМАЛ, ЧТО ПРОИСХОДИТ!**

Он даже не мог пошевелиться!

Реган О'Лири, в свою очередь, с безэмоциональным выражением направился вниз. Он лишь разок-другой осуждающе покачал головой. К этому моменту устроенные им масштабные порывы ветра успокоились. Но Ганц Йохансон продолжал вдавливаясь в землю мощным воздушным потоком — Реган О'Лири просто сконцентрировал свои манипуляции непосредственно в небольшой зоне над ним, может, чуть ослабив силу, чтобы ненароком не убить «несчастливого».

Ганц Йохансон в этот время предпринимал безуспешные попытки сделать хоть что-то, однако всё было бессмысленно: из-за мощного воздушного потока он даже не мог нормально манипулировать кварками и использовать магию. Одно дело меряться магической силой или концентрацией с другими волшебниками, другое — делать это против «природного явления» такой невероятной силы! Даже в истории были случаи, когда могущественные волшебники своих регионов не могли хоть как-то защититься или тем более справиться с некоторыми катаклизмами, в том числе с ураганами и смерчами; а здесь будто вся сила одного из них была сконцентрирована и направлена лишь на него одного — на Ганца Йохансона! Он был готов ко многому, но к такому жизнь его не готовила! Он никогда не считал себя слабым, но пережитое сегодня было чем-то совершенно другим — совершенно иной уровень!

Способности же самого Ганца Йохансона напомнили Регану О'Лири его прежние, разве что более отточенные и умелые. Возможно, не смени он свою «специализацию» годами ранее (долгими годами), то сейчас их стиль боя был бы схожим. Но он сменил, причём успешно. Поэтому факт оставался фактом, как волшебник Реган О'Лири достиг просто невероятного мастерства, а главное — понимания. Но и потратил на это долгие годы своей жизни (и продолжал тратить). Даже сейчас более-менее знавшие его или интересовавшиеся его личностью, совершенно не представляли, как именно ему это удавалось.

«В чём подвох?»

«Каков метод?»

Конечно, более грамотные люди имели общее представление или догадки, но не более. На деле же, как это часто бывает, ответ лежал практически на поверхности: используя несколько слэмов, он манипулировал отдельными частями воздушного пространства. А метод? Метод в глубоком понимании. А понимание? Понимание после долгих лет исследований. Проб и ошибок. Вкратце, нужны были контроль и концентрация — без них никуда! Затем, снова же, невероятное понимание того, что ты в принципе делаешь или пытаешься сделать: говорят, хороший шахматист должен видеть доску целиком, а у Регана О'Лири не было даже этой доски! У него десятилетия ушли только на то, чтобы увидеть свою невидимую доску и свои невидимые фигуры, в виде понимая воздушного пространства. Самым трудным было научиться правильно создавать направленные потоки. Для этого нужно было понять, даже прочувствовать: где проводить манипуляции?!; как проводить?! В своё время у него из-за этого даже были периоды сильной подавленности: он опускал руки, ему казалось, что всё глупо, всё бессмысленно — он хотел всё бросить! Но в конце концов, брал себя в руки и продолжал.

Со временем росло и понимание, а неудачи сменялись успехом. Приходило мысленное спокойствие и умиротворение. Не успев этого явно осознать, наступил момент, когда его «магия» стала чем-то большим, чем-то более могущественным и вот — его магией стал окружающий воздух! Воздух, которого «бесконечно» много! Воздух, на создание которого не нужно было тратить магическую энергию, лишь на манипуляции с ним!

И сейчас, достигнув глубокого понимания, Реган О'Лири имел в рукаве множество хитростей и уловок, помогающих ему успешно избавляться от своих врагов. Например, он использовал одни порывы ветра (обычно первые), чтобы распространить больше своих кварков по округе, благодаря чему его воздушные атаки могли иметь самое разное направление. В целом, самым

сложным в этом всём до сих пор оставался лишь точный расчёт. Расчёт для создания необходимого порыва, а главное — его направления. К этому моменту в голове у Регана О’Лири даже существовала сложная схема манипуляций воздушным пространством. А если бы он попытался перенести её на бумагу, вероятно, сам чёрт ногу сломал бы!

Его понимание правильных температурных переходов достигло такого уровня, что он мог спокойно создать закрученную воздушную сферу прямо из воздуха. И как ни посмотри, сила и масштаб, которые он мог «выжать», если бы ему пришлось, ужасали!

Шух.

Реган О’Лири приземлился и подошёл к области «повышенного давления», которая продолжала успешно вдавливать Ганца Йохансона в землю. Убивать он его не планировал, пока что, но и возиться не было желания, этим должны были заняться его Помощники. Но прежде, чем они успели подлететь, Реган О’Лири, будто что-то почувствовал. Однако реакция снова не успевала за скоростью происходящего! И если бы не рассеянные в округе кварки, она была бы ещё хуже! Как это часто происходит с «героями», им в спину бьют «крысы». К его искреннему удивлению, роль «крысы» в этот раз принадлежала не кому-нибудь, а самой Лилит Бортэ!

Глава 208. Выжать всё!

Чуть ранее, отброшенная назад Лилит Бортэ более-менее стабилизировала своё положение. Ей даже хотели помочь, но она справилась сама. Девушка, не раздумывая, отлетела чуть вниз, ближе к земле, но не приземлилась. Хотя, учитывая, что к этому моменту её снова полностью лишили контроля, делала она это не по собственному желанию. Всё что она делала по собственному, точнее могла делать: смотреть вперёд и наблюдать за действиями Регана О’Лири, а также безуспешно сопротивляться. А увидев воочию силу монгольского политика, даже ей пришлось испытать некоторый страх. Это была полностью доминирующая властная сила! Иметь представление — одно дело, но лицезреть лично — совершенно другое! По крайней мере, сейчас она не имела хороших идей, как бы действовала сама, окажись на месте Ганца Йохансона. Да и в целом ей сейчас было совершенно не до обдумывания подобных вещей. Чужеродная сила, господствующая в её собственном теле, стала слишком яростной! Бурлящей! Как океан во время шторма! Стала «агрессивной»! Будто её подменили! Если раньше Лилит Бортэ «всего лишь» не могла управлять своим телом, то сейчас она испытывала ещё и колоссальное давление, будто её хотели разорвать на части! Разорвать изнутри!

Это было настолько ужасно, что она не смогла сдержать слабый стон, вырвавшийся из её связок даже несмотря на «сдавленность» чужеродными кварками! По сравнению с этим, недавние ранения казались чем-то незначительным!

Фуи-х!

Прямо перед её глазами Ганц Йохансон пулей упал вниз под «весом» воздушного порыва, а Реган О'Лири полетел в его сторону. Вслед за этими событиями двинулось и её собственное тело! Медленно и не спеша — девушка полетела вниз.

«Это...» — в голове появились неприятные подозрения! Более того, внутреннее давление в её теле ни на йоту не ослабло, нет, оно только увеличивалось! Ещё немного и она в принципе не сможет думать — лишь боль! Неукротимая боль!

В это время в их сторону уже летели несколько человек — ни близко, ни далеко — это были Помощники Регана О'Лири. Двое — непосредственно в его сторону, двое — к Лилит Бортэ!

Не предчувствуя ничего хорошего, девушке хотелось сказать: «Ненужно!». Но никто, тем более адресат её слов, не смогли бы услышали их. Она могла лишь истосно надеяться, что ничего «плохого» не произойдёт! Однако, как это часто бывает, надеждам приходилось разбиться о пол! Чуть ранее ей даже казалось, что чем дольше её будут контролировать, тем быстрее она сможет найти способ избавиться от этого контроля: она верила, что чужеродная сила ослабнет, а может — даже иссякнет полностью, и тогда-то ей удастся найти слабое место в этой «технике» и вырваться из оков! Особенно сильно она поверила в это после использования «высшей магии воды» контролирующей стороной, ведь затраты энергии и контроля для её использования должны были быть немалыми! Ещё сильнее её уверенность возросла, когда ей вернули часть контроля над собственной магической сетью! Она была уверена, что вот-вот! Но... Но в мгновение ока остатки этой веры разбились на мелкие осколки о реальность: «человек», взявший её под контроль — за гранью её «схем»! Детских уловок! Его чужеродная сила нисколько не ослабла! Наоборот! Лишь сильнее проявила себя! Свою мощь! Напор!

Внешне холодная и спокойная, внутри Лилит Бортэ сокрушалась ужасным магическим штормом! Штормом, способным снести всё на своём пути! Она смогла ощутить лишь толику от его мощи, но и этого ей хватило, чтобы понять каким страшным и ужасным он был в своей полной форме! Распылил бы её на составляющие?! Она не знала! Не хотела знать!

Момент же «истины» настал тогда, когда Реган О'Лири оказался рядом с прижатым к земле Ганцом Йохансоном. Всё, что происходило дальше, казалось Лилит Бортэ слишком размытым! Слишком быстрым! Даже по её меркам!

Ни с того ни с сего её тело дёрнулось — резко вырвалось вперёд! Даже смотрящие на неё волшебники не сразу осознали, что происходит, — она будто исчезла! Два Помощника Регана О'Лири тоже ничего не поняли, но интуитивно сориентировались, почувствовав неладное. Действия госпожи клана Бортэ застали врасплох всех, даже их! Их мозг просто не успевал переваривать происходящее!

Лилит Бортэ летела вперёд!

Прямо в полёте она вытянула руку. Её торс тоже ушёл вперёд: для ускорения, для атаки!

Вместе с этим она активировала и Синтез Воды! Однако ни могущественных водных потоков, ни гигантских волн — ничего подобного не было. Всё было тише. Изящнее!

Разрушительная сила воды достигается движением, особенно скоростью этого движения. Например, участки рек с быстрым течением способны смыть многое на своём пути, хотя по факту, скорость даже самого сильного течения и близко не сопоставимо с «высокой скоростью», не говоря уже о максимальной. Разрушительная сила реки во многом зависит от содержания воды в разных участках устья и от прочих моментов, которые нам сейчас не интересны.

Но что, если большого количества воды нет?! Что, если речной поток вы уменьшили в размерах до нескольких см или даже мм? Ясное дело, что останься его скорость такой же, как у настоящей реки, то ни о каком разрушительном потенциале не может быть и речи! Что тогда?! Тогда остаётся увеличивать только скорость! А с её увеличением даже тоненькая струйка воды способна будет пробить тело мясистого волшебника! Что уж говорить, если на производствах используют станки основанные на схожем принципе, когда тонкая струя воды, выпущенная под высоким давлением, способна спокойно резать древесные и прочие материалы, а если ещё и смешать её с твёрдыми частицами, то вполне и металл. Правда, наибольшая ударная сила в таком станке находится преимущественно вблизи кончика режущей кромки, которое, как дуло пистолета, и выстреливает водой.

Но, да, речка сама по себе не быстрая, а струя в станке — одна. Однако эти естественные ограничения ничто для волшебника! То, что не может природа или машина, вполне подвластно ему! Волшебнику «всего-то» и нужно создать маленькую «речушку», а потом разогнать её до невероятной скорости — орудие массового разрушения готово! Или нет?!

Ясное дело, какой бы длинной и быстрой не была созданная вами «речушка», её одной для массового разрушения мало! Особенно если против вас другой волшебник.

Но что, если на следующем этапе создать не одну, а множество водных «речушек»?! Что, если разогнать не одну, а все?! Что, если в довершение ещё и переплести их все между собой?! Переплести, образовав единую водную форму?!!

Вероятно, достигнув чего-то подобного, стать специалистом в области «высшей магии воды» окажется не так уж и нереально, не правда ли? Другой вопрос, кем нужно быть, чтобы сотворить всё это: разогнать множество водных «речушек» до невероятной скорости и переплести их между собой, чтобы получить на выходе воду, способную творить невероятные разрушительные вещи?! Несомненно, талантливым и не отлынивающим от занятий волшебником! Таким же, как и Лилит Бортэ!

Не успела она в полёте вытянуть руку вперёд, как мгновенный Синтез Воды стал быстро образовывать множество магических потоков — тысячи и миллионы молекул H₂O тут же разгонялись! Их становилось всё больше! Потоки увеличивались! Всё быстрее и быстрее! Наконец-то, переплетались между собой, как змеи в логове! Переплетались и образовывали один более толстый стержень! Стержень рос с невероятной скоростью! Потоки воды на его кончике переплетались между собой, как древесные стебли, и вырывались вперёд! Вперёд и

только вперёд!

Закрученный!

Уверенный!

Непоколебимый!

Это был самый быстрый клинок, который Лилит Бортэ видела за всю свою жизнь! Мощнейшее магическое давление прямо из её собственной руки выталкивало его всё сильнее вперёд! Казалось, что он даже не рос! Казалось, будто он материализовался прямо из её руки! Казалось, будто его кончик всегда был прямо позади Регана О'Лири! Дышал ему в спину, как страстный любовник! И как бы Реган О'Лири не жульничал с воздушными потоками, сам по себе он вполне соответствовал своей внешности неповоротливого бакалейщика, чья физическая ловкость не сильно отличалась от ловкости подвешенного на кусте томата! Но! Его магическая ловкость — его рефлексы — совершенно другой вопрос! Прежде чем «страстный любовник» успел бы его нежно поцеловать в затылок, между ними образовалась небольшая вольфрамовая пластина. Острие клинка соприкоснулось с ней, после чего стало легко и непринуждённо входить внутрь. Однако точно также легко и непринуждённо Реган О'Лири к этому моменту стал отступать в сторону и, более того, параллельно наращивать вольфрамовые слои для своей пластины, сопротивление которой позволяло выиграть «спасительные» секунды! Его рефлексы и скорость были невероятны! Но саму Лилит Бортэ, кое-как анализирующую всё происходящее, больше поражала скорость и рефлексы атакующего — нет! — сам атакующий!

Она даже не обращала внимания на то, что была окружена! Окружена, считай что, самыми могущественными волшебниками Монголии — Реганом О'Лири и четырьмя его Помощниками! Ужасная ситуация даже для самого ужасного волшебника!

Реган О'Лири отступал, но т.к. прямо впереди перед ним был Ганц Йохансон, то и отступать приходилось в сторону. При этом чувство недовольства от происходящего и от «неизвестных переменных» сильно увеличивалось, настолько, что первым делом он подумывал избавиться от Ганца Йохансона, пока он точно мог это сделать. Больше всего Реган О'Лири опасался неведения. Неведение порождает и сомнения, и неуверенность, и заставляет делать ошибки, и приводит к поражению — сейчас Реган О'Лири находился именно в нём! Избавиться от Ганца Йохансона — дельная мысль! Но даже раньше, чем он пришёл к ней, приговорённый к смерти уже действовал!

Находясь под давлением, Ганц Йохансон умудрился взять под контроль свои кварки и направить их за пределы «зоны подавления». Более того, умудрился на выходе активировать Магию Огня! Его пламя стало «вырываться» прямо в месте соприкосновения циркулирующего воздушного потока с землёй, как какая-нибудь масляная горелка, прислонённая к металлу! Создавалась чудная картина «прорывающегося» прямо из-под земли огня, которое ещё и раздувалось «остатками» воздушных потоков самого Регана О'Лири. Пламя появилось мгновенно, так же мгновенное, как и водный клинок Лилит Бортэ! Однако Реган О'Лири среагировал тоже быстро! Да и Ганц Йохансон был в его поле зрения, в отличие от девушки,

атаковавшей из-за спины.

Но было но! Пламя распространялось очень быстро! Заметить — одно дело, но правильно среагировать — другое! В этот момент Реган О'Лири успел прокрутить в голове многое: от идей как правильно поступить в данной ситуации, до мысли, что клан Бортэ осознанно выступил против него! В этот момент он был очень собранным, но и очень злым. Таким злым он не был давно!

Вместе с жарким пламенем, вздымающимся вверх и в стороны, Ганц Йохансон нарушил и циркулирующий поток воздуха над собой. Это разозлило Регано О'Лири ещё сильнее! Он по-настоящему озверел, но старался не терять здравомыслия и хладнокровия! Озверел настолько, что готов был накрыть всю местность: и себя и других — безжалостным воздушным давлением. По крайней мере, он был уверен, что это поможет взять ситуацию в свои руки. Однако проблемой для Регана О'Лири было то, что его радикальные мысли и магия просто не успевали за происходящими событиями! Несмотря на то, что атака Лилит Бортэ ушла в молоко, пламя Ганца Йохансона достигло и даже обожгло его пухлые щёчки (И не только их!)

Перед Реганом О'Лири встал вопрос: либо пострадать ещё сильнее, но реализовать радикальную идею, потратив на это заветные секунды, либо перво-наперво сконцентрироваться на самом себе и своей защите, но и дать врагам перевести дыхание! Приходилось быстро оценивать все «за» и «против».

Все «за» утверждали, что Помощники рядом — баяться нечего. Все «против» — что раз в спину смогла ударить Лилит Бортэ, то подставляясь сильнее, кто-то ещё может сделать подобное, возможно, даже достать его! Этого хотелось меньше всего! А если клан Бортэ ещё и имеет к этому отношение, то нужно было быть более осторожным! Вероятность сговора оставалась — нельзя было рисковать!

«Защита! Остальное потом!»

Выбрав в этот критический момент второй вариант и отказавшись принимать удар, Реган О'Лири тут же создал перепады давления на небольшом расстоянии от своего тела! Они были настолько точными, резкими и противоположными (даже несмотря на мешающее пламя Ганца Йохансона), что воздух вокруг него мгновенно разошёлся в стороны! Это был локальный, но настолько мощный порыв, что всё пламя, угрожающее его телу было тут же сметено в стороны!

Уверенно вырвавшись из тисков и отлетев выше вверх, Реган О'Лири позволил поднывшемуся Ганцу Йохансону и «упавшей» рядом с ним Лилит Бортэ объединиться! Однако, несмотря на это, теперь он был готов реализовать задуманное! Устроить массовое «преклонение» и наконец-то избавиться от всей этой головной боли.

Но и Ганц Йохансон с Лилит Бортэ были готовы не меньше него! Объединившись с девушкой, бывший директор тут же развязал магию! Пламя! (Нет ничего приятнее пламени!) И в этот раз он не мелочился! Нисколечко не мелочился! Более того, учитывая, что у него оставалось не очень много магической энергии, стоящая рядом Лилит Бортэ положила ему на спину свои

руки — она была хорошим проводником! Её запасов хватит на двоих! Что там, на троих!

Глава 209. Головная боль

Огненное кольцо вокруг Ганца Йохансона и Лилит Бортэ вспыхнуло так же быстро, как и пламя вокруг горелок газовой плиты. Так же быстро оно выросло, устремившись вверх и превратившись в единый завихрённый поток, языки которого разлетались в стороны, как виляющие змеи, уползающие подальше от чего-то опасного. Так же быстро оно достигло и Регана О'Лири, отлетающего назад и готовящегося развязать магию в ответ. Однако приблизившись вплотную, непосредственно его оно не атаковало. Нет. Оно полетело дальше. Вверх! Вперёд! Полетело, продолжая выпускать множество виляющих змей, разлетающихся в разные стороны.

Когда Реган О'Лири всё же отлетел и остановился, растущая огненная башня Ганца Йохансона уже охватила часть воздушного пространства, не думая ни останавливаться, ни прекращать свой напор. Но в отличие от направленного пламени, которым Ганц Йохансон атаковал Лилит Бортэ чуть ранее, эта атака, казалось, просто распространялась по округе. Распространялась сама и распространяла жар. И в целом, именно так оно и было. Наблюдая за происходящем, Реган О'Лири стал более раздражённым (хотя, казалось, куда ещё раздражённое?). Но факт оставался фактом, эта попытка двух противников была нацелена непосредственно против его магии — против его воздушных потоков. Поэтому неудивительно, что он испытывал такое сильное раздражение: в его жизни было не так много противников, которые успевали разобраться в его способностях прежде, чем бесподъёмно падали ниц, или тем более успевали ещё и находить контрмеры. Реган О'Лири чувствовал себя униженным фокусником, чью уловку раскрыли даже раньше, чем он использовал её.

Однако, несмотря на всё это раздражение, Регану О'Лири оставалось лишь холодно покачать головой: когда речь шла о нём — о Регане О'Лири — контрмер не существовало! О недостатках — возможных недостатках! — своей магии он знал лучше любого другого волшебника — о чём речь?! И пусть в таких «огненных» условия ему стоило напрячься чуть сильнее, дабы создать правильный направленный поток, жестокой реальности это не меняло: использовать против него такие приёмы, всё равно что прятаться от землетрясения в соседней комнате. Бесполезно.

ВУУУУУУ...

Воздушный поток обрушился сверху вниз, как многотонная плита, — никакой пощады! Лишь смерть! Регану О'Лири пришлось пренебречь своим любопытством, своими ответами на все вопросы, которые мог дать, вероятно, только Ганц Йохансон! Увы, мёртвые не дают ответов! Как их не тряс!

Воздушная плита упала вниз — завихрённое пламя полыхало и свистело. Пыталось устоять. Не сдавалось!

ВУУУУУУУ-УУУУУУУУ...

Одно движение — мгновение! — плита стала по-настоящему НЕПОДЪЁМНОЙ.
НЕПОКОЛЕБИМОЙ!

Тух!!

Она рухнула вниз! Вслед за ней рухнуло и завихрённое пламя! Ничто не могло выдержать такого давления! Давления Регана О'Лири! Злости Регана О'Лири! Раздражённости Регана О'Лири!

Ганц Йохансон и Лилит Бортэ рухнули вместе с ними!

Ничто не могло его остановить!

Секундой позже весь оставшийся огонь разлетелся в стороны! Он был выдавлен воздушной плитой, как пыль упавшим шкафом. Устроенный Реганом О'Лири огненный шторм вызвал больше разрушений, чем действия клана Кудо во время битвы с кланом Морган, хотя с точки зрения причастных волшебников последних в своё время было куда больше!

Земля снизу была вдавлена. Расстресканна. Обгорела. В округе всё разлетелось. Потоки машин на земле и флаймы в воздухе сдулись порывами. Столкнулись. Превратились в месиво. Дома. Прохожие... Перечень был столь велик, что дня не хватит пересчитать всё. Казалось бы, действия одного человека... Казалось бы, какие-то «незначительные» манипуляций с воздухом...

Сам Реган О'Лири ещё какое-то время смотрел сверху вниз на последствия своих действий. Сам он не пострадал, т.к. решил сначала отступить и лишь потом атаковать. Его взгляд властно прошёлся по округе и остановился... Остановился, когда наконец-то оказался в самом центре происходящего. В центре, где два сплюснутых обгорелых тела сформировали чёткий выступ на земле. Возможно, не будь давление Регана О'Лири таким колоссальным, сейчас можно было бы лицезреть «окаменелую» скульптуру, где девушка крепко прижимается руками в спину мужчине, поддерживая его в его не лёгком бою. Прекрасный образ, для создания трогательной истории о двух возлюбленных, которым не дали быть вместе. Которые пошли против ограничений и правил, но, увы, проиграли... Однако это было не так и два мясистых пятна, тесно прижатых между собой, были прекрасным примером того, почему не стоило идти против Регана О'Лири.

Чуть погодя огненные потоки полностью рассеялись, унеся за собой и остатки магической энергии Ганца Йохансона и Лилит Бортэ. Осталась лишь «пустота». Пустота в их существовании.

Реган О'Лири парил с задумчивым выражением, продолжая смотреть в одну точку.

Через какое-то время к нему подлетел один из Помощников, который чуть ранее не успел среагировать. Остальные направились в это время собирать силы и наводить порядок.

— Одной проблемой меньше, это уже что-то, — задумчиво сказал Реган О'Лири, когда Первый Помощник оказался рядом с ним.

— Должно быть, так, — кивнул тот в ответ.

Он тоже посмотрел в сторону сдавленных трупов и не был уверен, как правильно реагировать на эти смерти. Слишком странным всё казалось. Если бы он мог, он бы всеми силами не дал двоим умереть: живыми они были куда ценнее. Но попадать из-за этого под горячую руку Регана О'Лири было крайне бессмысленно, да и он просто не успел бы вмешаться. Слишком быстро, даже по меркам Первого Помощника, всё произошло. И это сильно его удивляло: он никогда бы не подумал, что не смог бы тягаться в скорости с Ганцом Йохансоном или тем более с Лилит Бортэ.

— Он мог её подчинить? — наконец-то высказался он.

Реган О'Лири не ответил. Он был всё таким же задумчивым. Прокрутив в голове неизвестно что, но явно многое, он кивнул:

— Возможно.

— Это могло произойти, когда он ранил её... — продолжил Первый Помощник.

— Либо с самого начала, — Реган О'Лири прервал и закончил за него. — Мне нужно подумать. Проконтролируй и наведи здесь порядок. Реши вопрос с Бортэ. Собери всё, что предшествовало этим событиям. Как всё сделаешь — я у себя.

— Хорошо.

Первый Помощник без лишних слов полетел выполнять команды. Реган О'Лири же ещё какое-то время смотрел на трупы, после чего удалился. Сделал он это до прихода людей клана Бортэ. Несмотря на свою победу, победителем он себя не чувствовал. С поражением Ганца Йохансона больше понимания не появилось, скорее, возникло ещё больше вопросов. Ещё и Лилит Бортэ... Реган О'Лири не то, чтобы боялся клан Бортэ или ему было неловко перед ними, он просто хотел избежать очередной «головной боли». Но сколько бы он этого не делал, казалось, она преследовала его всеми силами. Слишком много её было в последнее время. Слишком много...

— Так просто. Так бессмысленно.

Пока весь кипиш подходил к концу, ещё один сторонний наблюдатель убивался в лёгкой задумчивости и недоумении. Это была «одна старая бабка». Та самая, которая временно, а теперь, может, и навсегда, приютила под своей крышей Милину Гофф.

Говоря искренне, она хотела вмешаться в действия Регана О'Лири, точнее подобная мысль пару раз посещала её сознание. Наблюдать за убийством Ганца Йохансона — а он, без сомнений, умер — ей было как-то не очень спокойно. Однако длительное нежелание иметь какое-либо отношение ко всему мирскому настолько сильно укоренилось в ней — пропитало каждую клеточку сознания, — что она в принципе отказалась принимать какое-либо участие. Другой на её месте вполне мог начать корить себя за такое бездействие в будущем. За такой отказ помочь сохранить жизнь не самому последнему человеку в своей жизни... Но только не она, только не она...

С другой стороны, волей-неволей те или иные мысли лезли ей в голову сами собой. Это были вполне логичные вопросы, которые не хотели покидать разум, как бы она не пыталась их игнорировать. Они поглощали всё её сознание всё больше и больше. В ней просыпалось то, что было «похоронено» многие годы назад — просыпался профессиональный интерес. Интерес к происходящему. К непонятному. Загадочному.

Старая бабка была уверена, что видит куда меньше, чем это есть на самом деле. Или она просто была не уверена: видит или не видит? Она и вправду была не уверена.

«Но... — думала она. — Если всё на самом деле является не тем... Очевидно — кто-то хочет что-то скрыть...»

Она рассуждала общими постулатами, которые были впитаны ею ещё в ранние профессиональные годы.

«Стоило вмешаться?»

Этот вопрос не в первый раз посетил её сознание.

«Нет, — в сотый раз ответила она. — Всё кончено. Нет смысла лезть в это».

Она в очередной раз отвернулась, чтобы уйти. Медленно полетела. Но затем — снова остановилась и обернулась. Её поведение напоминало поведение человека, у которого эмоции (нежелание вмешиваться) пытались взять вверх над проснувшимися компетенциями —

ответственностью и профессиональным интересом. Последние просто не давали ей покоя. Они удерживали её, как цепь. Заставляли каждый раз оборачиваться. Сомневаться в правильности принятого решения — решения не вмешиваться. А самое неприятное, они будто нашёптывали из самой глубины сознания. Нашёптывали о том, что уйдя сейчас, потом она будет сильно сожалеть. Будет чувствовать внутреннюю пустоту. Думать: «Нужно было всего лишь осмотреться — минутное дело».

Вся эта по-своему уморительная картина происходила до тех пор, пока со стороны не послышался голос:

— Не вмешиваться — правильное решение. Смотреть больше не на что, так к чему же эти сомнения? — сказал Реган О'Лири.

Старая бабка не стала оборачиваться, но и игнорировать сказанное тоже не стала. Она ответила:

— Мне не нужно уточнять, что есть правильно, а что нет. С сомнениями я тоже в состоянии разобраться сама, без всяких сомнительных советчиков.

— Я и не сомневался.

Реган О'Лири и вправду не сомневался. Он не сомневался и в том, какой именно будет реакция на его слова.

— Ты куда-то летел? — продолжила старая бабка. — Вот и лети, — она махнула рукой. — Вроде, мороз, а тут всякая саранча раскрипелась.

Реган О'Лири не собирался ни спорить, ни обижаться. Он просто полетел дальше. Медленно и спокойно. Правда, полностью промолчать он тоже не смог и в этом смысле, вероятно, «проиграл»:

— Если я узнаю, что ты имеешь к этому отношение, таким тактичным я больше не буду.

— Отношение, хе-хе-хе... — бабка рассмеялась своим надменным смешком. — Всё ещё боишься? Ха? Все боятся неизвестности, не так ли? Хе-хе-хе... Особенно такие же «усевшиеся повыше», как и ты. Сомневаешься, да? Хе-хе-хе... Так к чему же эти сомнения, смотреть ведь больше «не на что»? Или, — она продолжила хихикать, ещё и скривила Регану О'Лири рожицу, — всё же есть на что? Хе-хе-хе... Говоришь, не будешь больше таким тактичным? Ты чего-то не понимаешь, — её тон стал более насмешливым, она говорила как учитель, отчитывающий тупого школьника. — Ты сегодня убил не самого последнего в моей жизни человека, так что... Если окажется, что это было зря, — это я больше не буду такой тактичной. Вбей себе это поглубже. В самые истоки разума. Иначе... Ты знаешь, что «иначе». Хотя... Ты такой старый маразматик, что тебе нужно всё повторять, — она пожала костлявыми плечами. — Я избавила мир не от одного «Мирового Волшебника»: одним больше, одним меньше — не проблема.

В этот раз Реган О'Лири промолчал. Однако этот «тактический ход» был лишь высмеян ещё сильнее:

— Язык проглотил? Так бы сразу. Ещё бы не маячил перед самым носом, как приставучая саранча, — вообще бы цены не было.

Старая бабка издала ещё пару смешков, провожая улетающего Регана О'Лири своим едким взглядом. Затем снова обернулась в сторону разрушенной местности.

«Может, посмотреть и вправду есть на что. Лишним не будет, хе-хе-хе...»

Возбуждённая после «перепалки» с Реганом О'Лири, она уже не хотела просто так улетать. Нет. Это желание в принципе пропало! Да и... В ней будто полностью проснулся былой интерес! Молодость! Те прекрасные дни! То пугающее звание! Проснулось всё!

В этот момент в ней полностью проснулся «Убийца Мировых Волшебников», а вместе с ним вышли наружу и все профессиональные навыки — все желания! Интерес!

«Если страх Регана О'Лири не просто мнительность, значит, за этим и вправду может стоять ещё кто-то. А если стоит — то это точно не кто-то «обычный». А раз не «обычный», то и потряхнуть стариной не такое уж и плохое дело, хе-хе-хе...»

Старая бабка была явно навеселе, или, может быть, она просто выпускала таким образом свою злость?

Через какое-то время она уже прогуливалась по месту сражения, как по своему дому. Она искала что-нибудь интересное. Однако, на удивление или нет, «что-нибудь интересное» совершенно не хотело находиться. Ещё и «наводящие порядок» волшебники, которых становилось всё больше и больше с каждой пройденной минутой, сильно мозолили ей глаза. Причём мозолили даже несмотря на то, что она полностью их игнорировала и не обращала внимание. Иной раз она замечала даже бдительный интерес Помощников Регана О'Лири, которым он оставил разбираться со своим беспорядком. Те ещё простофили, как она о них думала.

В таких условиях эта старая бабка — в прошлом «Убийца Мировых Волшебников» или просто «Убийца Миво» — и занималась своими «поисками». Поначалу такое количество людей ей совершенно не нравилось, но она быстро привыкла. Более того, в какой-то момент она успешно подстроилась под весь этот «педантичный муравейник» и даже стала получать пользу. Она вклинивалась в работы чуть ли не каждой группы волшебников, успевая при этом и изучить все интересующие её «улики», и напомнить каждому из участников какой он неумелый и почему именно его родителям стоило сдать его в приют ещё при рождении или не рожать в принципе. Конечно, никакого злого умысла она не имела. По большей части, ей было даже всё равно на всех них. Но зная, что некоторые реплики или отдельные слова их всё-таки задевали, она получала тонну удовольствия от происходящего. Поэтому прекращать, ясное дело, не собиралась.

Обойдя всё и всех и не один раз, потратив на это кое-какое время и энергию, ей пришлось признать, что каких-либо странностей она не сильно-то и видит.

«Хотя~»

Побредя ещё с десять минут, поразмышляв и посопоставляв всё имеющееся, она кое-что заметила. Хотя, правильнее сказать, не заметила: казалось, что куча металла, которая стояла тихо в сторонке, была какой-то маловатой. И пусть уборка местности ещё не подходила к своему завершению, это сильно заинтересовало Убийцу Миво. Настолько, что она присоединилась к группе волшебников, и стала им с этим помогать. Однако, к её ещё большей заинтересованности, через время «гора металлолома» стала не намного больше той «маленькой» кучки, которой она была изначально.

— Как интересно! — искренне выдала старая бабка.

— Что интересно? — послышался голос работающего неподалёку волшебника.

— Кхм, тебе интересно, почему такую сующую везде свой длинный нос псину, как ты, не утопили ещё при рождении?

— Нет...

— А мне вот интересно. Ты не стесняйся, спрашивай-спрашивай, может, и решение найдём. Если что, тебе очень повезло — я умею очень хорошо исправлять ошибки других людей.

— ...

— Молчишь? А зря. Я, между прочим, когда-то занимала первое место в конкурсе «Утопи выводок плешивой псины». Интересует? Эй, постой-постой~ Трижды занимала, между прочим! Так что ты подумай! — крикнула она вдогонку и издала очередной смешок.

— Итак, о чём это я? А, точно. Как интересно!

◇◇◇

(От 1 лица)

— Хух!

Я продрал глаза, приподнялся и уставился в стену. К этому моменту меня перенесли в камеру, причём в камеру с нормальной койкой. Так и надо, учитывая, в каком виде меня оставила Лилит Бортэ.

К слову, о ней...

Ладно она! Но Ганц Йохансон не должен был умереть!

Не должен был!!

— Как же так?! Твою мать! Вот же %^&*!

— Тварь!

— ^&*(@& пёс!

...

— Фух...

«Всё предвидеть и спланировать нельзя... Существует множество других независящих факторов... Ты уже делал проколы из-за этого... Делал, кретин! Всё предвидеть и спланировать...»

Глава 211. Ночной жнец (часть 1)

— Фух... — я выдохнул в очередной раз и быстро успокоился: пора брать себя в руки. Пора!

Во всём нужно видеть плюсы, ведь так? Следовательно... Всё хорошо... Ведь хорошо? Хорошо! Точно-точно хорошо? Точно-точно...

«Да точно, говорю я вам!»

Другой вопрос — неужели это и вправду был наш верноподданный? Кто бы мог подумать? Как минимум даже я не ожидал, что он так быстро выйдет из своей конуры и начнёт в принципе предпринимать какие-либо действия. Тот редкий случай, когда рыба клюнула за наживку, даже раньше, чем наживка успела погрузиться в воду. С одной стороны забавно, конечно, но с другой — как оказалось рыбак не был готов к такому. (Не был готов полностью, отчего в очередной раз испытывал головную боль от собственных действий). И всё бы ничего, если бы этим рыбаком был не я! Не успел я даже разложить снасти, а главная удочка — Ганц Йохансон — уже в щепки! Как ни посмотри: полный провал с самого начала, пусть и начиналось всё до безобразия прекрасно.

«Ладно... Кто ж знал?»

(Я знал!)

«В общем, всё хорошо».

(Нет!)

«Всё нормально».

(Нет!)

Более того, мне стоило бы гордиться собой, ведь я-то думал, что выманить нашего верноподданного будет куда труднее, а оказалось: раз-два — и готово! Разве это не показатель моих невероятных навыков, которые даже опережают мои реальные планы? (Нет!) Конечно же, да! Об этом я вам и говорю. Гений планов и король стратегий! (Нет!) Кто? Верно! Я! Именно я!

Итак...

О чём это я?

А... Точно... Формально — я в полной ^&*(# \$! Но не нужно негодовать! Пока есть голова, пока можно что-то придумать и пока я вовремя нахожу решения — всё поправимо!

К слову, о плюсах, зато я увидел навыки нашего верноподданного — воочию увидел! — чем же не победа? Конечно, «обменная монета», как ни посмотри, оказалась слишком неравноценной! Толку от мёртвого Ганца Йохансона было столько же, сколько от размокшей бумаги где-нибудь в лесу. В общем, живым он был куда ценнее, но ладно, не суть: всё зависит от того, с какой стороны посмотреть. И если найти подходящий ракурс... Кто знает? Возможно, в его смерти куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд? Да и в смерти Лилит Бортэ тоже. Хотя... Её смерть была оправдана с самого начала — не о чем горевать. Итак, считать смерть Ганца Йохансона бессмысленной — то ещё кощунство. Конечно, смерть должна быть оправдана, но что делать, если кажется, что она не оправдана? Правильно. Нужно выжать из неё всё

возможное, чтобы сделать её в конечном счёте полностью оправданной! По крайней мере, это будет куда логичнее, чем глупо негодовать от произошедшего.

«Поэтому — всё хорошо!» — и теперь я говорю это с полной уверенностью в голосе!

— А-а-а-м.

Я встал. Потянулся. Выдохнул. Издал слабый стон: тело продолжало ныть и болеть. Следы истязаний быстро напомнили о себе. Однако, несмотря на эту боль, я чувствовал прекрасное внутреннее умиротворение. Настоящую лёгкость! Лёгкость, которую я испытывал очень и очень редко. Как ни посмотри — игра стоила свеч! И это только видимые плюсы такого исхода, а кто знал, к каким ещё положительным вещам привёл такой «поворот»? Даже страшно представить! Ведь это может быть по-настоящему прекрасно и радужно: кто знает, может быть, после такой уверенной победы и перевозбуждения наш верноподданный просто-напросто подавится косточкой и сдохнет на ровном месте?! Было бы забавно, хотя и маловероятно, хах.

Потянувшись ещё с десяток раз и хорошенько отдышавшись, я снова упал на койку и задумчиво уставился в потолок. Что-что, а ломать голову было над чем. В голове так и крутились вопросы:

«Что делать дальше?»

«Как правильно поступить?»

«Из чего выжать максимальную пользу?»

С одной стороны я ясно осознавал, что созданный мною клубок, запутан до нельзя хорошо, однако... С другой стороны было очевидно, что вместе с потерей главной развязки в лице Ганца Йохансона, этот клубок стал и более податливым к распутыванию в других направлениях, а если точнее — в моём направлении, если, конечно, ухватиться за правильные концы... А практика показывает, что всегда найдётся кто-то, кто захочет потянуть за то, за что тянуть не следует. Кто бы мог подумать, что большей частью импульсивное решение избавиться от Джеймса Харрингтона уже сегодня, окажется настолько практичным в сложившейся ситуации: одной проблемой меньше. И так, я к тому, что нет ничего, что нельзя было бы распутать. Особенно при правильном подходе. А наш случай ухудшается ещё и тем, что есть слишком много причастных, имеющих хорошее представление в важных вопросах всего происходящего. Причастных, действие и слова которых могут слишком сильно повлиять на «распутанность» этого метафорического клубка. И что ни говори, с этим нужно было что-то делать...

Всю проблематичность образовавшейся ситуации можно было сравнить с крысой. Той самой крысой, которая только и думает о побеге с тонущего корабля. Причём по ироничной случайности тонущего по той простой причине, что она сама и прогрызла ему дно. Будь я сторонним наблюдателем, назвал бы эту крысу кретином — полным кретином! Но сторонним наблюдателем я не был, нет, я как раз таки отыгрывал роль этой крысы.

Немного подумав, ко мне пришло первое вразумительное решение:

«Полностью избавиться от всех концов!»

До ужаса радикальное решение, пусть и вполне практичное. Более того, решение, достойно оспорить которое не мог даже я, по крайней мере, пока что. Да и что ещё остаётся? Разве что, продолжать гнуть свою линию и искать способы подогнуть действительность под выдуманную реальность?

Непростой вопрос, от которого даже начинала раскалываться голова. Я бы сейчас с удовольствием отбросил все мысли и со словами: «Утро вечера мудренее», — завалился на боковую, но, увы, решение нельзя было откладывать на потом (а если и можно было, то только с чётким осознанием почему такое откладывание позволительно: является ли оно продуманным?; осмысленным?). Ещё одной причиной, почему я не мог позволить промедления в этом непростом вопросе, являлся тот факт, что к этому моменту (а на деле какое-то время назад) активизировался кое-какой человек, действия которого были явно нацелены прямо на меня. Во всех смыслах нежеланный ночной гость, появление которого могло как всё испортить, так и, наоборот, улучшить. Но какой из этих двух вариантов верный — дело случая: один чёрт знал, что у него на уме! Но чтобы это ни было: добрые намерения или хладнокровные порывы — его действия ни капельки не облегчали мою и до того немилую жизнь! Сиди он смиренно и не раздражай меня в этой ситуации, времени на подумать было бы больше и не пришлось бы спешить.

«Ладно...» — я постарался остановить поток ненужных мыслей.

Нужно подытожить, что мы в конечном счёте имеем и что с этим делать, а там и решения найдутся.

Для начала, со смертью Ганца Йохансона вся история в лучшем случае закончится на его трупе и, как итог, на его неудавшихся бунтарских действиях, а значит: точка — дело закрыто, расходимся по домам. Но в худшем и более вероятном — кто-то продолжит копать и тянуть за верёвочки, тот же Реган О'Лири, а раз он так быстро вмешался в дело, оно его явно заинтересовало или даже задело — уж очень императивно он действовал. И снова же, принять первый вариант — пустить всё на самотёк, довериться случаю... А значит в какой-то степени потерять и контроль над ситуацией. Увы... Я не настолько оптимистичен — оставлять всё на авось не вариант. Как минимум буквально недавно я споткнулся именно на этом: пусть я и рассматривал возможность потери Ганца Йохансона, но в целом, воспринимал это как маловероятное событие, поэтому не особо-то и заморачивался. А теперь — заморачиваюсь с лихвой! Вот и вывод: пренебрегать даже небольшой вероятностью в неблагоприятном развитии событий плохая идея. Очень плохая идея! Хочешь, не хочешь — нужно предпринимать меры.

«Итак, — я встал, держась рукой за подбородок. — Ничего не делать — ставить самого себя под удар. Единственный человек, который видит картину целиком — я! Это невероятное преимущество, но оно временное: неизвестно, что будет уже завтра. Да и не стоит забывать, что после уничтожения Ганца Йохансона все взоры и вправду устремятся считать что на одного меня, ещё, может, на Ежи, но это всё. Да и от него быстро отстанут. Или... Не отстанут? Ммм,

Ежи? Со слов той ободранной курицы он всё ещё жив... Хэй постарался на славу и сделать всё как я и передал через Эрсель. Изначально на этого ёжика были другие планы, но сейчас... Удочка сломалась, но леска осталась — уже что-то: новое удилице можно и выстругать, хе-хе...»

«Или, как вариант, — я снова сел на кровать, — сначала выстругать, а потом и полностью обрубить все концы? Скажем, оставить «невидимого врага»? Случай с Харрингтоном должен был явно намекнуть, что Ганц Йохансон работает не сам. В принципе, создать нового и отвести подозрения от себя — не проблема. Но тогда, во-первых, нужно будет обойтись без прямой конфронтации — создать, оставить намёки и безвозвратно избавиться от всех следов. А потом, даже если и потянут за ниточки, клубок распутается только до определённого момента, причём, даже не в мою сторону. А дальше... А дальше, сколько ни тяни, — неизвестность! Останется лишь додумывать! Лишь предполагать! Лишь сомневаться!»

«А во-вторых... В таком случае нужно будет избавиться и от самого себя — полностью избавиться! — причём сделать это нужно будет быстро и очень аккуратно: ничего не должно выделяться или бросаться в глаза. Это не я подчищаю хвосты, это меня подчищают как хвост — идеальная формулировка».

«Что дальше... А дальше Ежи. Найти его не проблема... Но нужен кто-то ещё: нас двоих мало. Иначе будет слишком просто и поверхностно. Для этой схемы нужны ещё «участники». Хммм... Рамиты? Возможно... Двух зайцем одним ударом: они сами по себе слишком проблемная парочка. Пусть и неглупая. Но если копать глубже, то выйти можно и на них, причём спокойно. Один раз я отгородил их, второй припугнул, но... Но одно неверное слово или действие с их стороны — и всё... Всё провалится в тартарары. Особенно учитывая сколько им уже известно. Да уж, сейчас они являются слишком уязвимым местом... Чёрт, как же с ними поступить?» — я стал обдумывать варианты — нужно было найти компромисс: бессмысленные смерти лишь ещё сильнее привлекут внимание к тем или иным вопросам; нужно было чётко взвесить все за и против — бездумная зачистка может только ухудшить ситуацию.

«А что если... — ко мне пришла прекрасная идея, как поступить с проблемной парочкой. — Хорошо, нужно будет это обдумать, но... если так... тогда всё равно нужно искать ещё людей!».

Я задумался и стал перебирать имена:

«Мари Стоун? Как вариант очень даже неплохо: она была близка с Ганцом Йохансоном, если она... Тогда можно поискать ещё каких-нибудь преподавателей из прошлой школы, да и других приближённых Ганца Йохансона, а они у него были. Главное, очень внимательно подойти к их выбору, нельзя чтобы имитация выглядела броской и была не идеальной. А дальше... А дальше устроить «массовую зачистку». Самому оказаться среди «зачищенных»: от подобных крыс избавляются в первую очередь — очень удобно и практично, но главное, в этом есть огромный смысл — я практически полностью отведу взоры от своей личности. Правда, моя смерть тоже должна соответствовать происходящему и не сильно выделяться: не мешало бы соблюсти какую-никакую хронологию, хотя... сделать это будет нелегко, учитывая, что я сейчас заперт в Аде. Ещё и тело не мешало бы раздобыть. Чёрт, был бы более предусмотрительным, заготовил бы всё наперёд...»

«Итак... — я хорошенько задумался. — Первым делом — Юрий Ежи. Потом — всё остальное».

Набросав общую схему в голове, я встал, потянулся и хорошенько отдышался. Снова сел, сконцентрировался на плане и начал внимательно продумывать каждую мелочь и деталь. В этот раз я не пренебрегал даже маловероятными «поворотами событий», вплоть до того, что снаружи меня уже поджидает Реган О'Лири вместе с оравой своих шавок.

Закончив наконец-то свои размышления, я сконцентрировался на своей магической силе, на определённом человеке — на одной «проблемной» девушке, но, вероятно, единственной, которой я мог бы доверить совместную работу такого «немыслимого» уровня: когда нет права ни на одну ошибку или оплошность. (Хэй? Хэй, определённо, хорош. Но... Но работать с ним в такой ситуации — нет — практичнее работать самому.)

«Эрсель», — написал я.

◇◇◇

(От 3 лица)

Сидя поздним вечером и наслаждаясь спокойным времяпровождением, одну девушку окатило резкое, но знакомое ощущение. Она быстро отреагировала, после чего перед ней всплыли целые тонны текста, образованные синтезированной водой. Она вникла, слегка удивилась, но быстро преступила к выполнению отданных ей указаний.

Единственное, о чём она подумала пока вставала: «Как же хорошо, что я ещё не легла спать! Иначе — точно бы окатил меня холодной водой!»

— Бррр, — её пробрала дрожь: она вспомнила, как это произошло в один из последних разов.

<http://tl.rulate.ru/book/25164/1193700>